K35 8/23

Н-82

Профессору Димитрію Ивановичу Иловайскому, съ чувствомъ глубокаго почитанія составитель

23 Дек. 1915

К35 8/23

Краткій историческій очеркъ борьбы славянъ съ нѣмцами.

245/7

СООБЩЕНІЕ

Предсѣдателя Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи
А. Н. Норцова,

Читанное въ выдержкѣ на публичномъ засѣданіи Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи 12 октября 1914 года.

ТАМБОВЪ.
Электрическая типо-литографія Губернскаго Правленія.
— 1915 —

Н-82
К35 8/23

Краткій историческій очеркъ
борьбы славянъ съ хѣмцами.

СООБЩЕНІЕ

Предсѣдателя Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи
А. Н. Норцова,

Читанное въ выдержкѣ на публичномъ засѣданіи Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи 12 октября 1914 года.

ТАМБОВЪ.
Электрическая типо-литографія Губернскаго Правленія.
— 1915 —

Перепеч. изъ 57 вып. «Извѣстій Тамб. Учен. Арх. Ком.».

Краткій историческій очеркъ борьбы славянъ съ нѣмцами.

Борьба славянъ съ нѣмцами, весьма краткій обзоръ которой здѣсь излагается *)—это борьба начавшаяся уже болѣе полторы тысячи лѣтъ, прекращавшаяся только временно и вновь три мѣсяца назадъ вспыхнувшая во всей своей вѣковой исторической мощи. Эта борьба тѣмъ болѣе ужасна, что обыкновенные, столь понятные чувству чести и справедливости, принципы международнаго права совершенно отсутствуютъ въ сознаніи военной этики нѣмцевъ; что вся порядочность, великодушіе и рыцарство на сторонѣ однихъ противниковъ ихъ—Россіи и союзныхъ державъ; что нѣмцы возведя въ догматъ культъ одной силы, воспитали себя въ рабскомъ поклоненіи кулаку, насилію, и безнравственнымъ принципамъ и подготовили тѣ сцены, которыя теперь разыгрываются передъ ошеломленнымъ человѣчествомъ на зло чести и христіанской этикѣ. Эта борьба тѣмъ болѣе ужасна, что является плодомъ не одного только милитаризма нѣмцевъ, а и результатомъ ихъ непонятнаго самообольщенія, страннаго самомнѣнія и комическаго «сверхчеловѣчества»; что цѣлый рядъ ученыхъ—Фихте, Момзенъ, Гизебрехтъ, Трейчке, Ницше и т. д.—систематически вбивали въ нѣмецкія головы поразительныя и неожиданныя теоріи столь вредныя для человѣчества и здраваго смысла.

Предлагаемый очеркъ не касается совсѣмъ ни перваго появленія въ Европѣ славянъ, ни географическаго распростра-

*) Печатаемый очеркъ представляетъ коротенькую выдержку изъ болѣе обширнаго изслѣдованія **«Славяне и нѣмцы»** подготовляемаго къ печати.

ненія и многочисленности ихъ; здѣсь умѣстно только напомнить что уже въ незапамятную эпоху въ Европѣ жили *венеты* позже названные *славянами,* и слѣды пребыванія ихъ сохранились преимущественно у морскихъ береговъ—венеты въ Арморикѣ и у Атлантическаго океана, венеты Адріатическаго побережья, гдѣ впослѣдствіе возникла Венеція, венеты при Вендскомъ заливѣ, на берегу Балтійскаго моря, гдѣ была знаменитая Винета и т. д. [1]). Славяне были настолько сильны своей многочисленностью, что—по свидѣтельству Іорнанда и Прокопія—только одна лишь часть ихъ является «безчисленными народами» [2]), а писатели IX вѣка называютъ ихъ «не рожденными, а посѣянными» [3]). Занятіе славянами половины Европы—по Шафарику—есть событіе почти безпримѣрное въ исторіи человѣчества [4]). Точно также здѣсь не будетъ говориться про славянъ Балканскаго полуострова, въ Греціи и въ Малой Азіи, хотя разселеніе ихъ было настолько значительно, что напр. Грецію, по словамъ Константина Багрянородного, вся «ославянилась» и стала варварской, а самый Греческій полуостровъ въ VIII вѣкѣ даже носилъ названіе «славянскаго» [5]).

Всѣ такія подробности и отступленія завели бы слишкомъ далеко, отвлекая отъ основной цѣли настоящаго краткаго обзора—борьбы славянъ исключительно съ нѣмцами. Съ точки зрѣнія этой именно борьбы слѣдуетъ тѣмъ не менѣе сказать, что распространеніе славянъ въ Средней Европѣ доходило до Лабы, Судетовъ и западныхъ предѣловъ Тироля.

Прежде всего, въ вопросѣ этническомъ, необходимо замѣтить, что каждая раса, обладая помимо соматическихъ признаковъ опредѣленнымъ психическимъ характеромъ, является

---

[1]) Polyb. II, 4; Strabon IV, 4, 1; Tacit. Germ. 45, 46 Plinius IV, 27, 7; Ptolem. Geogr. III, 3, 5.

[2]) Jornand. De Gothor. orig., 5; Procop. Bell. Goth. IV, 4, p. 573 edit. Par.

[3]) Первольфъ, Славяне, ихъ взаимныя отношенія, Варшава 1886, т. I, стр. 9—10.

[4]) Шафарикъ, Славянск. древности Москва 1848, т. III, стр. 31.

[5]) Constant. Porphyrog. De Themat. ed. Par., p 25; J. Bollandus, Acta Sanctorum, Jul. 2, 504.

причиной послѣдующей своей судьбы и что историческое прошлое народа оставляетъ извѣстное психическое наслѣдіе: различіе въ традиціяхъ и нравахъ есть выраженіе души народа, врожденнаго качества его, которое имѣетъ всегда и во всемъ первенствующее значеніе. Въ связи съ этимъ географическая обстановка является конечно, также одной изъ причинъ розни—движенія въ сторону меньшаго сопротивленія, черезполостность владѣній и проч.

Переходя къ отношеніямъ славянъ и нѣмцевъ, можно съ достовѣрностью сказать, что не только по географическимъ условіямъ сосѣдства, но и по совершенно противоположнымъ принципамъ древняго права, обычая и характера оба эти народа рано или поздно должны были придти къ столкновенію, настолько между ними лежало глубокое психическое и историческое различіе. Основа славянскаго быта, это семейная община,—вервь, задруга; семья жила особо, разросталась въ деревню, но стояла вмѣстѣ, имѣя землю въ общемъ владѣніи. На языкѣ славянскомъ не существовало даже словъ для обозначенія собственности и наслѣдства [6]), а земледѣльческій бытъ народа отразился и въ богопочитаніи и въ самомъ происхожденіи первыхъ князей славянскихъ: пахарь Премыслъ въ Чехіи, земледѣлецъ Пястъ въ Польшѣ, обрядъ «настолованія» харутанскихъ князей и т. д. [7]). Для общаго дѣла были сходки съ правомъ голоса для всѣхъ, а знатные роды не признавались, хотя и существовали у славянъ князья и дружина. Женщина пользовалась почетомъ и независимостью: въ домашнемъ быту жена управляла домомъ, мужъ занимался земледѣльемъ, а въ началѣ исторіи почти всѣхъ славянскихъ народовъ встрѣчаются всегда имена женщинъ-правительницъ: Лыбедь и Ольга Русскія, Ванда Польская, Любуша и Власта Чешскія, Туга и Буга Хорватскія и проч. Мирный земледѣльческій характеръ славянъ отразился и въ сравнительной мягкости ихъ нравовъ; добродушіе, гостепріимство и честность ихъ находятъ себѣ подтвержденіе въ свидѣтельствахъ исто-

[6]) Шрадеръ, Сравнит. языковѣдѣніе и первобытная исторія, Спб. 1886, стр. 94.

[7]) Palacky, Dejny Narodu césk. I, 197—198.

риковъ [8]); въ отношеніи къ военноплѣннымъ рабамъ, они давали имъ, по истеченіи извѣстнаго срока, не только свободу и право вернуться на родину, но и допускали тѣхъ кто желалъ остаться у нихъ, въ свою общину безъ всякаго униженія или ограниченія въ правахъ [9]). По мѣткому выраженію Хомякова народы земледѣльческіе ближе къ общечеловѣческимъ началамъ, они не привыкли считать себя выше своихъ братьевъ, другихъ людей и все человѣческое находитъ въ нихъ созвучіе и сочувствіе [10]). Зато демократическіе славяне въ простомъ семейномъ быту не имѣющіе власти, становились болѣе доступны единству власти, когда являлась необходимость всеобщаго объединенія: тогда избирался одинъ верховный князь и возникало государство [11]).

Совершенно другіе принципы руководятъ бытомъ нѣмца: по свидѣтельству Тацита и Юлія Цезаря нѣмецъ лѣнтяй не любящій никакого труда, живетъ грабежомъ и набѣгами, заставляя женщинъ и стариковъ исполнять всѣ домашнія и полевыя работы а въ мирное время главныя его удовольствія—охота, пьянство и ѣда [12]). Точно такую жизнь ведутъ и до сихъ поръ негры центральной Африки или краснокожіе, съ нравами, чувствами и обычаями которыхъ, по разсказамъ путешественниковъ, сравнилъ Гизо и нѣмцевъ V—VIII вѣка являющихся въ состояніи крайней грубости, невѣжества и эгоизма во всей звѣрской необузданности; за такой отзывъ—какъ извѣстно—Гизо подвергся самой грубой «нѣмецкой» критикѣ [13]). Что касается до древняго нѣмецкаго политическаго и земельнаго устройства, краеугольный камень ея—*марка*, нѣсколько напоминающая славянскую *вервь*, древне германская община,

---

[8]) Adam. Brem II, 19; Helm. Chron. Slav. II, 12 и многіе другіе.

[9]) Mart. Gallus II, 4; Mauric Strategicum. XI, 5.

[10]) Хомяковъ, Собр. сочиненій, М. 1882, т. III, стр. 106.

[11]) Гильфердингъ, Исторія балтійскихъ славянъ, Спб. 1874, стр. 70.

[12]) Tacit. Germ. 14, 15, 22, 23; J. Caesar. De B. G. VI, 21.

[13]) Fr. Guizot, Hist de la civilisation en Europe, lectures 3 et 4; Letourneau, Evolution de l'esclavage, P. 1897, ch XVIII, 5; Сочиненія Грановскаго, М. 1900, стр. 93.

которой настоящій полноправный членъ только собственникъ. Такимъ образомъ у нѣмцевъ установилась личная поземельная собственность, позднѣе возникъ маіоратъ перешедшій въ законъ, и господствовалъ родовой бытъ, который велъ къ образованію аристократіи, вслѣдствіе чего у нихъ пользовались преимуществомъ знатные роды и было преобладаніе мужчины надъ женщиной; извѣстный эдиктъ 574 г. короля Хильперика о правахъ наслѣдія землею подтверждалъ родовой бытъ нѣмцевъ [14]). Сходки ихъ не имѣли того равноправнаго значенія какъ у славянъ и все преимущество было на сторонѣ знатныхъ родовъ; рабы отпущенные ими на волю не принимались въ общину и не пользовались равными съ нѣмцами правами [15]). Такой строй быта создалъ, въ противоположность славянамъ, сопротивленіе единству со стороны знатныхъ родовъ, откуда возникъ феодализмъ [16]).

Въ этомъ различіи славянскихъ и нѣмецкихъ нравовъ ярко выступаетъ, такъ сказать, христіанская гуманность язычниковъ-славянъ и яркая грубость христіанъ-нѣмцевъ—два противоположныя врожденныя качества расъ имѣющія такое громадное историческое значеніе въ послѣдующей судьбѣ ихъ. Сравнивая эти качества и принимая во вниманіе жестокость присущую той эпохѣ, можно придти къ заключенію, что въ основаніи славянскаго нрава всегда было нѣкоторое добродушіе и общительность, а нѣмецъ превосходилъ славянина въ жестокости и безчеловѣчности. Грабежи и набѣги славянъ, по выраженію Гильфердинга, были ничто въ сравненіи съ многовѣковымъ порабощеніемъ нѣмцами цѣлыхъ племенъ и несчастной участи славянъ-рабовъ; жестокости славянъ на войнѣ были ничто въ сравненіи съ систематическимъ истребленіемъ нѣмцами всего славянскаго народа на Балтійскомъ поморьѣ [17]).

Это психологическое различіе ясно выразилось уже въ древнѣйшія времена и первыя выступленія на исторической сценѣ славянъ и нѣмцевъ носятъ слѣды этихъ врожденныхъ

---

[14]) Грановскій, стр. 103.
[15]) Tacit. VII, XI, XIII, XXV.
[16]) Гильфердингъ, стр. 69—71.
[17]) Тамъ же, стр. 38.

качествъ расъ. Первый, такъ сказать, выходъ италіанскихъ славянъ—венетовъ носитъ характеръ извѣстнаго благородства. Въ 390 году до Р. Х., во время семимѣсячнаго занятія Рима галлами-сенонами, не гуси, а венеты спасли Римъ отъ порабощенія: они вторгнулись въ область галловъ и тѣмъ заставили ихъ бросить осаду Капитолія; въ 225 г. до Р. Х., когда галлы опять пытались напасть на Римъ, венеты, по просьбѣ римлянъ, снова вторгнулись въ землю галловъ и спасли вторично Лаціумъ [18]) Зато первый историческій «выходъ» нѣмцевъ былъ не такъ красивъ и совершился во имя другихъ цѣлей: въ 113 г. до Р. Х. кимвры и тевтоны явились на грабежъ Рима со всѣми своими семьями, хозяйствомъ, стадами и домашними имуществами. Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о Гусѣ и Лютерѣ Новиковъ, сравнивая различіе вообще нравственныхъ качествъ славянъ и нѣмцевъ, замѣтилъ, что патріархальныя начала земледѣльческой жизни выработали у славянъ духовныя высшія качества, между тѣмъ какъ нѣмцы въ столкновеніяхъ съ Римомъ воспитали въ себѣ корыстное чувство, страсть къ похищенію чужой собственности и къ потребленію чужого труда [19])

Возвращаясь къ изложенію борьбы славянъ съ нѣмцами необходимо замѣтить, что первое историческое столкновеніе ихъ не восходитъ далѣе IV вѣка по Р. Х., эпохѣ готской имперіи Эрманриха захватившей у венетовъ всю восточную Европу; впрочемъ, такія размѣры имперія готовъ приняла только благодаря черезчуръ патріотическимъ описаніемъ Іорнанда, [20]) по выраженію Шафарика «безсовѣстно» преувеличившаго подвиги готовъ [21]) и такія чрезмѣрныя владѣнія ихъ въ настоящее время подвергаются, какъ извѣстно, большому сомнѣнію [22]). Конецъ этому владычеству положили хлынувшіе изъ Азіи гунны: они выгнали готовъ изъ восточной Европы, явившись такимъ образомъ избавителями славянъ отъ натиска нѣмцевъ.

---

[18]) Polyb. II, 4—6; Tit. Liv. Suppl. XX, 35, 36.

[19]) Новиковъ, Гусъ и Лютеръ, критич. изслѣдов. М. 1859, т. II, стр. 62—63.

[20]) Jornand. Goth. 5, 23.

[21]) Шафарикъ, § 8, № 13 и § 18, № 7.

[22]) Багалѣй., Русск. Ист. М. 1914, т. I, стр. 104.

Однако эти натиски не прекращались и если готамъ не повезло на востокѣ, то баварцамъ, казалось, стало улыбаться счастье на западѣ; послѣ паденія гунской монархіи они предприняли на сосѣдей своихъ—славянъ, тотъ напоръ, который обратился у нѣмцевъ въ историческое обыкновеніе. Но въ VI вѣкѣ пришли авары, остановили нѣмецкое движеніе и дали толчокъ колонизаціи славянами дунайской территоріи и заселенію ими восточно-альпійскихъ земель; вмѣстѣ съ аварами славяне впервые участвуютъ въ походахъ на нѣмцевъ, преимущественно баварцевъ и тюринговъ [23]). Въ началѣ VII вѣка неудачный походъ на Византію и хозарское вторженіе съ востока поколебали силу аваръ а въ Чехіи появился въ это же самое время славянскій вождь Само. Онъ соединилъ въ одно Чехію и Моравію, образовалъ могущественный славянскій союзъ ,къ которому примкнули сосѣднія славянскія племена, вступилъ въ борьбу съ нѣмцами и при Вогастисбургѣ (630 г.) разбилъ на голову войско Дагоберта [24]). Послѣ смерти Само (660 г). союзъ распался и обединяемыя имъ славянскія племена снова разрознились.

Въ исторіи борьбы западныхъ славянъ съ нѣмцами проходитъ красной чертой необыкновенная славянская безпечность, какое-то необъяснимое довѣріе, добродушіе и нежеланіе пользоваться временнымъ ослабленіемъ противника,—благородныя, конечно, качества, но въ борьбѣ съ такимъ врагомъ какъ нѣмцы, не только лишнія, но даже вредныя. Когда славяне осѣли въ средней Европѣ, объединявшее ихъ военно-дружинное устройство уступило постепенно мѣсто прирожденнымъ земледѣльческимъ инстинктамъ: они стали разсѣляться мелкими поселками во всѣ стороны, теряя единство и племенную связь. Эта разрозненность и растянутость, эта безпечность и довѣріе стали причиной, что часть славянъ—въ Каринтіи и Штиріи—подпавъ подъ иго баварцевъ, къ исходу IX вѣка германизировалась и только топографическія названія оста-

---

[23]) Гротъ, Моравія и Мадьяры, Спб. 1881, стр. 69—70.

[24]) Fredegar. Chron., c. 48.

лись доказательствами славянскаго происхожденія извѣстной мѣстности [25]).

Приблизительно около того же времени, начались столкновенія съ нѣмцами прилабскихъ и прибалтійскихъ славянъ, этихъ наиболѣе воинственныхъ изо всѣхъ славянскихъ племенъ. Вопреки мирнымъ земледѣльческимъ традиціямъ они были пріучены къ боевой жизни и близостью моря, которое выработало изъ прибрежныхъ племенъ отважныхъ ушкуйниковъ, и примѣромъ своихъ воинственныхъ сосѣдей-саксовъ. Постоянная пограничная борьба между ними велась съ VII вѣка и оба берега Лабы и Солявы, рѣкъ позже онѣмеченныхъ въ Эльбу и Заале, славянскія племена занимали до самого X вѣка.

Пипинъ Короткій, распространяя христіанство, началъ войну противъ саксовъ, защитниковъ язычества, и ему очень помогли вошедшіе съ нимъ въ союзъ (748г.) прилабскіе славяне бодричи и стодоряне. Но восточные сосѣди бодричей славяне велеты или лютичи, изъ ненависти къ нимъ, подружились съ саксами и воевали противъ своихъ братій. Карлъ Великій въ 780 г. на р. Урѣ (Юрѣ, Орѣ) закрѣпилъ союзъ съ прилабскими славянами и тутъ же замыслилъ подчинить ближайшія славянскія племена а кстати и своихъ союзниковъ. Сначала, подъ предлогомъ наказанія велетовъ, онъ объявилъ на нихъ походъ (789 г.), въ которомъ приняли участіе и бодричи. Результатомъ этого похода, послѣ нѣсколькихъ битвъ, былъ совершенно неожиданный и добровольный отказъ князя Драговита Велетскаго отъ дальнѣйшаго продолженія войны, подчиненіе Карлу всего велетскаго народа а за ними и другихъ союзныхъ племенъ. Такимъ образомъ власть Карла, хотя и номинальная, но была признана на всемъ славянскомъ поморьѣ и подобный образъ дѣйствій повторялся очень часто въ исторіи борьбы западныхъ славянъ съ нѣмцами, потому что всегда находились славяне идущіе противъ своихъ братій и всегда были князья, какъ Драговитъ, готовые измѣнить общему дѣлу обороны [26]).

---

[25]) Гротъ, стр. 62, 68, 71 - 74.

[26]) Einhardi Annal. Mon. Germ. II, 449; Гильфердингъ, стр. 260—64.

Какъ скоро велеты подчинились, бодричи поставленные между ними и нѣмцами, вошли въ гораздо большую зависимоть отъ Карла, зависимость которая должна была рано или поздно превратиться въ подданство. Во время похода 798 г. на саксовъ произошла жестокая сѣча при Свентанѣ (на ю. з. отъ Плунскаго озера въ Голштиніи) и бодричи сообща съ войскомъ Карла разбили на голову саксовъ; часть земли побѣжденныхъ Нордалбингія (западная часть Галштиніи до устья Эльбы и Нѣмецкаго моря) была отдана Карломъ славянамъ. Изъ-за обладанія этой областью у бодричей возникла съ датчанами война ослабившая значительно силы славянъ. Тогда Карлъ съ покойной совѣстью отобралъ отъ бодричей Нордалбингію, на восточномъ славянскомъ берегу Салы политично построилъ (806 г.) крѣпость Галле для удержанія въ покорности полабскихъ сербовъ а на правомъ берегу Лабы не менѣе политично занялъ нѣмецкимъ укрѣпленнымъ поселеніемъ участокъ на землѣ стодорскаго племени морочанъ; это была нѣмецкая политика, это былъ первый шагъ нѣмца къ водворенію своего владычества на славянской землѣ .Бодричи не противились и безразсудно молчали даже тогда, когда Карлъ воздвигъ (811 г.) въ Нордалбингіи военную линію [27]).

Послѣ смерти Карла и опустошительныхъ набѣговъ норманновъ монархія нѣмецкая ослабѣла и славянскія племена свергаютъ съ себя ея иго: хорваты, альпійскіе словенцы, чехи, лабскіе сербы и проч.. Балтійскіе славяне (бодричи, венеты и глиняне) въ союзѣ съ норманами уничтожили (842 г.) христіанскую метрополію въ Гамбургѣ, но обезпечить свою независимость прочнымъ утвержденіемъ въ устьѣ Лабы они не съумѣли; видѣли около себя развалины военной линіи и слѣдуя своей безпечности, дожидались пока другой король возстановитъ укрѣпленіе. Въ эту эпоху т. е. въ половинѣ IX вѣка, когда другіе славяне стремились къ внутреннему единству, какъ напр. на Вислѣ, на Ильменѣ и подъ Карпатами,—балтійскіе славяне не тронулись изъ своего пассивнаго племеннаго быта [28]).

---

[27]) Гильфердингъ, стр. 268—84.

[28]) Тамъ же, стр. 290—301.

Между тѣмъ чехи и моравы, слагавшіеся уже въ сильное государство, наносили нѣмцамъ чувствительные удары: во время четырехлѣтней войны чеховъ съ нѣмцами (846—849) чехи имѣли всегда перевѣсъ; князь Ростиславъ Моравскій въ 855 г. не допустилъ Людовика Нѣмецкаго въ свои владѣнія а самъ опустошилъ Баварію [29]), и нѣмцы до самого 864 г. не предпринимали вторично похода на Моравію. Съ 863 г. началась въ Моравіи миссіонерская дѣятельность Кирилла и Меѳодія; взаимная связь Моравіи съ Чехіей способствовала введенію христіанства и среди чеховъ, но все это не помѣшало имъ продолжать упорную борьбу съ нѣмцами. Такъ напр. въ 871 г., германцы желали возстановить свою власть надъ державой велико-моравской, но потерпѣли подъ Велеградомъ страшное пораженіе нанесенное имъ княземъ Святополкомъ, причемъ всѣ нѣмцы были истреблены [30]). Тѣмъ не менѣе въ теченіе 898—900 г.г. послѣдовалъ цѣлый рядъ опустошительныхъ набѣговъ баварцевъ на Моравію. Въ то время съ востока внезапно хлынули мадьяры, Моравія потеряла свою самобытность, а Чехія присоединила ее къ себѣ и вступила въ союзъ съ мадьярами противъ нѣмцевъ. Тогда нѣмцы совершили коварный, хотя и обычный имъ поступокъ: пригласивъ на пиръ мадьярскихъ вождей, они ихъ всѣхъ перерѣзали (904 г.), но вскорѣ поплатились за свое вѣроломство: въ іюнѣ 907 г. они потерпѣли такое жестокое и рѣшительное пораженіе, причемъ погибли предводители, епископы и графы, что—по словамъ историка—«трудно найдти другое событіе въ древней нѣмецкой исторіи, которое сравнялось бы по своему пагубно роковому значенію съ этою битвою». Нѣмцами было утрачено все что втеченіе болѣе ста лѣтъ они пріобрѣли; сами они были отброшены назадъ и никогда не удалось имъ возвратить все потерянное; только небольшая частица земель была снова пріобрѣтена. Такимъ образомъ мадьяры невольно дали благопріятный оборотъ для славянъ, надолго остановивъ дальнѣйшій ростъ нѣмецкаго преобладанія въ этихъ областяхъ [31]).

[29]) Annal. Fuld. a. 846, 855.

[30]) Annal. Fuld. a. 871; Hincmari annal. a. 871; Palacky Dejiny I. p. 149; **Успенскій Перв. славян. монархіи на Сѣверо-Западѣ, Спб. 1872, стр. 67.**

[31]) Annal. Alaman. (cod. 3, 4) 904; Dummler Gesch. II, p. 545; Kaemmel Anfänge deutsch. Lebens, p 301—302 (ed Leipzig 1879). Ср. Гротт, стр. 385, 405, 408, 423.

Въ это время балтійскіе славяне вступили уже во второй фазисъ своей борьбы съ нѣмцами. Эта борьба за свою свободу и вѣрованіе, за все то, что свято и дорого народу, величественна и трагична и еще рельефнѣе выступаютъ весь героизмъ славянъ и всѣ отрицательныя качества нѣмецкаго прозелитизма являющагося въ самой грубой формѣ насилія и разбоя.

На королевскій престолъ былъ избранъ саксонецъ Генрихъ Птицеловъ, т. е. изъ племени непримиримыхъ враговъ славянства и впервые борьба получила при немъ характеръ національной ненависти. Зимою 928 г. въ сильный морозъ подошелъ онъ по льду къ главному городу племени стодорянъ Бранный Боръ, взялъ его, разрушилъ и разграбилъ, перебилъ все населеніе, женщинъ и дѣтей увелъ въ рабство, а на другой годъ нанесъ при Ленчинѣ жестокое пораженіе славянамъ [32]). Затѣмъ были употреблены и другіе традиціонные у нѣмцевъ способы борьбы, между прочимъ и подобно тому какъ было поступлено ранѣе съ мадьярами. Такъ напр. начальникъ саксонской марки Геронъ пригласивъ однажды на пиръ тридцать славянскихъ вождей, перебилъ ихъ всѣхъ, за исключеніемъ одного только князя Браниборскаго, который спасся. Немедленно же вспыхнуло съ новой силой возстаніе, нѣмцы вездѣ были избиваемы, Бранный Боръ взятъ обратно, но черезъ годъ, благодаря измѣнѣ славянина Тугомира, крѣпость была предана нѣмцамъ, а въ 949 г. было даже учреждено епископство Браниборское. Борьба стала особенно упорна и жестока въ X вѣкѣ, когда имперія германская была въ упадкѣ; вся лѣтопись этой эпохи полна описаніями набѣговъ, битвъ, грабежей и рѣзни; славяне отстаиваютъ свою свободу отъ нѣмецкаго христіанства распространяемаго мечемъ и огнемъ ради матеріальныхъ нѣмецкихъ выгодъ, и факты эти даже внесены на позорный столбъ самими же нѣмецкими историками [33]). Въ довершеніе всего, возникшее тогда польское государство стало вести не только традиціонную борьбу съ нѣмцами, но даже помогало имъ порабощать полабскихъ славянъ подъ предлогомъ введенія среди нихъ христіанства.

---

[32]) Widukind I, 35, 36; Гильферд. 350—352.

[33]) Adam. Brem III, c. 25; Holmol. Chr. I, c. 16, 18, 19, 21, 25, 83 и т. д.

Въ половинѣ X вѣка славяне присоединились къ датчанамъ и въ союзѣ съ ними совершали опустошительные набѣги на нѣмцевъ. Они вторглись въ Саксонію, отобрали Бранный Боръ, истребили духовенство, уничтожили нѣмецкую власть за Лабою, взяли Гамбургъ, Кальве и другіе города; хотя у р.р. Тонгеры и Дошы они и потерпѣли сильное пораженіе, но нѣмецкое вліяніе было надолго сломлено, а бодричи, стодоряне и лютичи казались въ то время такъ страшны, что епископъ Гильдевардъ писалъ: «да спасетъ Божественная благость насъ со всѣхъ сторонъ гнетомыхъ славянами» [34]). Въ 991 г. нѣмцы взяли опять Бранный Боръ но славяне вскорѣ отняли его, затѣмъ въ 993 г. новая измѣна предала городъ въ руки нѣмцевъ; въ 995 г. лютичи убили предателя, завладѣли городомъ и правымъ берегомъ Лабы, нѣмцы признали ихъ право владѣнія и Бранный Боръ до 1157 г. находился въ рукахъ славянъ [35]).

Въ началѣ XI вѣка князь Ратиборъ объединилъ всѣхъ полабскихъ славянъ, а послѣ него Готшалкъ или Годескалькъ—другъ извѣстнаго архіепископа Адальберта Гамбургскаго—ввелъ христіанство и возвысилъ балтійскихъ славянъ, но былъ убитъ въ 1066 г. язычниками въ Ленчинѣ. Его преемникъ князь Крутой возстановляетъ язычество и распространяетъ предѣлы бодричей до моря; его 30 лѣтнее царствованіе—эпоха наибольшаго могущества балтійскихъ славянъ. Въ 1093 г. послѣ битвы на Стиловомъ полѣ язычество хотя и было подавлено, но новый славянскій знаменитый князь Никлотъ возстановилъ его снова, еще болѣе расширилъ предѣлы земли бодричей, и со славой отразилъ (1147) двухсотъ тысячное крестовое нѣмецкое ополченіе. Между тѣмъ маркграфъ Сѣверной марки Альбрехтъ Медвѣдь увеличилъ свои владѣнія благодаря дружбѣ съ княземъ славянскимъ Пшебыславомъ Браниборскимъ, который назначилъ своего крестника, сына Альбрехта, наслѣдникомъ. Послѣ смерти Пшебыслава, Альбрехтъ занялъ Бранный Боръ, переименовалъ его въ Браненбургъ, сталъ носить титулъ маркграфа Браненбургскаго и совершенно подчинилъ земли

---

[34]) Гильферд., 399

[35]) Тамъ же, 357, 364, 393, 403—407.

стодорянъ, что способствовало ихъ окончательной германизаціи. Вскорѣ наступили послѣдніе дни и политической жизни бодричей. Въ 1160 г. герцогъ Саксонскій Генрихъ Левъ побѣдилъ князя Никлота, который погибъ въ битвѣ, вся земля бодричей досталась нѣмцамъ а сыну Никлота Прибыславу дана часть славянскихъ земель. Послѣ его смерти началась внутренняя борьба пока въ 1231 г. все княжество не раздѣлилось на четыре части; въ половинѣ XV вѣка Никлотовичи соединили всѣ земли полабскихъ славянъ подъ названіемъ княжества Мекленбургскаго и онѣметченные господствуютъ и до сего дня раздѣленные на линіи Стрелицкую и Шверинскую (Звѣринскую). Такимъ образомъ между Балтикой, Одрой—Одеромъ и Лабой—Эльбой, германизировались въ XII вѣкѣ лютичи и бодричи, на ихъ землѣ вскорѣ возникъ Берлинъ и современные берлинцы не мало поражаются когда слышатъ, что среди нихъ много потомковъ прибалтійскихъ славянъ: воспоминаніе о славянскомъ происхожденіи народонаселенія Брандебурга еще доступно только ученымъ въ изслѣдуемыхъ ими названіяхъ городовъ, рѣчекъ и урочищъ.

Въ то время какъ саксонецъ Генрихъ Левъ заканчивалъ борьбу съ западными славянами, нѣмцы впервые столкнулись съ славянами восточными, появившись въ сосѣдствѣ границъ ихъ, въ приморскихъ литовскихъ областяхъ. Какъ извѣстно, области эти находились въ зависимости отъ славянъ:сѣверная часть отъ Новгорода Великаго, а южная отъ княжества Полоцкого, сношенія-же и связь областей вообще съ Русью были давнія, о чемъ свидѣтельствуютъ чудь эстляндская участвовавшая въ призваніи князей, великій князь Ярославъ въ 1030 г. основавшій городъ Юрьевъ и т. д. Въ 1159 г. въ южной части области, къ устью Западной Двины бурею былъ прибитъ корабль нѣмецкихъ торговцевъ. Они выпросили у ливовъ позволеніе основать постоянную торговую контору и построили домъ и острожекъ Икескола (Укскуль) на горѣ подлѣ Двины; затѣмъ явился миссіонеръ Мейнгардъ и выпросилъ у князя Володимера Полоцкаго позволеніе проповѣдовать евангеліе среди языческаго населенія; затѣмъ явились нѣмецкіе воины, а во главѣ ихъ коварный епископъ Альбертъ насильно

обращающій въ христіанство и не пренебрегающій никакими низкими средствами для достиженія цѣли, что подтверждаетъ его вѣроломный поступокъ при осадѣ Гольма; затѣмъ основанъ (1202 г.) Ливонскій орденъ меченосцевъ, и въ союзѣ съ Альбертомъ сталъ огнемъ и мечемъ вводить евангеліе, захватилъ часть Ливоніи, покорилъ лѣттолу и ливовъ, но наткнулся на болѣе энергичный отпоръ со стороны эстовъ, которымъ помогли новгородцы [36]). Вслѣдъ затѣмъ начинаются частыя столкновенія нѣмцевъ съ восточными славянами и литовскими племенами.

Одновременно съ изложенными событіями на берегахъ Вислы появляются рыцари Тевтонскаго ордена. Ни для кого не тайна чисто плебейское ихъ происхожденіе отъ простыхъ служителей нѣмецкой больницы въ Іерусалимѣ въ 1128 г., которые, не довольствуясь уходомъ за больными, взялись за оружіе; однако въ Палестинѣ они не пріобрѣли военной славы и оказались не на высотѣ призванія. Послѣ паденія Акры они переправились въ Венецію гдѣ гросмейстеръ ордена Зальца съ искуствомъ и съ знаніемъ дѣла интриговалъ и лавировалъ между папой и императоромъ до самого 1226 г.. Въ этотъ годъ совершилось призваніе нѣмцевъ славянскимъ княземъ, событіе имѣвшее позже печальныя послѣдствія: князь Конрадъ Мазовецкій вызвалъ Тевтонскій орденъ противъ язычниковъ-пруссовъ, отвелъ рыцарямъ земли Кульмскую и Лебодскую и тѣмъ самымъ подготовилъ впослѣдствіе нѣмецкій натискъ на Польшу. Осѣвъ въ 1228 г. на берегахъ Вислы, тевтонскіе рыцари съ 1231 г. подъ предлогомъ введенія христіанства, постепенно захватываютъ чужія земли по ритуалу разъ навсегда усвоенному нѣмецкой этикой: жители данной области вырѣзываются, строются замки и крѣпости и призываются для колонизаціи нѣмецкіе переселенцы. Въ 1237 г. къ тевтонскимъ рыцарямъ присоединились и ливонскіе меченосцы и оба ордена вскорѣ впервые и весьма для себя неудачно столкнулись съ русскими дружинами Александра Нев-

[36]) Bonnell. Russis. Liwland. Chronogr. (edit. 1862) 3; Script Rerum Livonic, 50; Соловьевъ, Исторія Россіи, книга I, стр. 609.

скаго. За два года до этого князь Александръ (15 іюля 1240 г.) разбилъ на Невѣ шведовъ, взялъ въ 1241 г. у нѣмцевъ Копорье, освободилъ Псковъ и наконецъ 5 апрѣля 1242 г. на льду Псковскаго озера нанесъ нѣмецкимъ рыцарямъ полное пораженіе извѣстное подъ названіемъ Ледового Побоища.

Между тѣмъ звѣрское введеніе христіанства въ Ливоніи вызвало возстаніе въ Жмуди, Литвѣ и Корси, которымъ руководилъ Миндовгъ Литовскій и въ 1260 г. на р. Дурбе въ Курляндіи онъ нанесъ сильное пораженіе рыцарямъ. Но явились новыя полчища нѣмцевъ, возстаніе было подавлено и залито кровью; въ Помезаніи и Сатландіи всѣ жители были перебиты; Судавія, Курляндія и Семигалія обращены въ пустыни, туземное населеніе уведено въ рабство и стало внѣ закона. Рыцари завладѣли площадью отъ Вислы до Литвы и Мазовіи а къ началу XIV вѣка Поруссія была уже совершенно германизована, причемъ нельзя не вспомнить, что самую дѣятельную помощь нѣмцамъ оказывалъ чешскій король Премыслъ Оттокаръ II строя имъ въ угодуКенигсбергъ (1255 г.) и уничтожая съ ними вмѣстѣ пруссовъ (1264, 1268 г.г.) Только почти наканунѣ смерти онъ понялъ свою политическую ошибку, сознялъ опасное положеніе Чехіи среди нѣмцевъ и пророчески писалъ полякамъ:«вы должны намъ помочь не только по поводу сосѣдства и общаго съ нами языка и народа, но тоже потому что въ случаѣ нашей гибели, ненасытная пасть нѣмцевъ свободнѣе растянется и ихъ зловредная жадность распространится и на Польшу" [37].) Слѣдуетъ также вспомнить что и гибель его произошла отъ нѣмца: при Оттокарѣ, который два раза безразсудно отказался отъ предлагаемаго ему императорскаго сана (1257 и 1272 г.) состоялось, помимо его избирательнаго права и благодаря интригамъ, избраніе врага его Рудольфа Габсбургского (1273), а этотъ началъ тотчасъ же свои враждебные замыслы, подстрекалъ чеховъ на него и внушилъ имъ измѣну, погубившую Оттокара въ битвѣ 1278 г. при р. Моравѣ.

---

[37]) Regesta Bohem. et Morav., ed. Emler II, 466; Первольфъ, т. II, стр. 25—26.

Между тѣмъ, тевтонскій орденъ совершенно утвердившись въ 1309 г. въ Маріенбургѣ, открылъ свою рыцарскую дѣятельность тѣмъ, что предательски захватилъ Поморье принадлежащее Польшѣ. Хотя, по рѣшенію папскаго суда, къ которому обратился король польскій Владиславъ Локетекъ, и было приказано ордену вернуть Польшѣ Поморье и уплатить 30 тысячъ гривенъ убытку, но рыцари не только не подчинились папѣ а напали на польскую область Куявы (1330 г.), вырѣзали почти все населеніе, истязали женщинъ, стариковъ, дѣтей и священниковъ; но при Пловцахъ (1331 г.) Владиславъ отомстилъ, нанесъ ордену жестокое пораженіе—множество рыцарей погибло вмѣстѣ съ великимъ магистромъ и нѣмцы оставили въ покоѣ поляковъ до самаго конца столѣтія, въ періодъ междуцарствія въ Польшѣ. Тогда оба царствующіе въ Венгріи и въ Чехіи нѣмца—Сигизмундъ и Венцеславъ, составили планъ нападенія, въ союзѣ съ Тевтонскимъ орденомъ, на Польшу съ цѣлью раздѣлить ее; все что лежало по ею сторону Калиша вмѣстѣ съ Мазовіей должно было отойти Пруссіи, страна за Калишемъ Венгріи а вся земля по Вартѣ Брандебургу и императору. Какъ извѣстно, планъ остался безъ послѣдствій, но это была первая нѣмецкая попытка раздѣла Польши, которая осуществилась черезъ 400 лѣтъ благодаря усерднымъ интригамъ Фридриха II Прусского .

Соединясь съ меченосцами тевтонскіе рыцари почти съ первыхъ же лѣтъ своей христіанской проповѣди проявили рѣдкое, по единодушію, соревнованіе въ жестокости, развратѣ, вѣроломствѣ и прочихъ подобныхъ качествахъ; даже сами нѣмецкіе историки должны были возмутиться а литовскіе князья долго отклоняли отъ себя крещеніе при посредствѣ подобныхъ апостоловъ. Литвѣ съ Польшей выпалъ жребій выдерживать упрямый нѣмецкій напоръ. Походъ на Литву сначала окончился для рыцарей неудачей, но затѣмъ (1377 г.) орденъ, въ свою очередь нанесъ пораженіе Ольгерду и Кейстуту. При Витовтѣ Литва простиравшаяся отъ Псковскихъ границъ до Галиціи и Молдавіи, отъ Бреста до Оки, Сули и Днѣпра, преобразовалась въ государство литовско-русское съ православной вѣрой, съ законодательнымъ и придворнымъ

русскимъ языкомъ. Отсюда и готовился вскорѣ главный ударъ столь гибельный для ордена.

Наступилъ XV вѣкъ и первая четверть его ознаменовалась славянской реакціей, совершился рядъ событій въ Польшѣ, Чехіи и Литвѣ непосредственно вытекающихъ изъ этой борьбы. Въ началѣ столѣтія произошла знаменитая битва славянъ съ тевтонскими рыцарями при Танненбергѣ или Грюнвальдѣ, въ которой нѣмцы были окончательно разбиты соединенными польско-русско-литовскими войсками. Главной причиной столкновенія явилась Жмудь (Самогитія); она врѣзалась клиномъ между владѣніями ливонскихъ и тевтонскихъ рыцарей, обладаніе этимъ княжествомъ соединяло ихъ земли, но Жмудь часто возставала, свергала съ себя иго рыцарей и они добивались окончательнаго закрѣпощенія за ними княжества. Литва воспротивилась, заняла Жмудь; къ Витовту въ Ковно стеклись русскіе отряды изъ Полоцка, Смоленска, Новгорода Сѣверскаго, Брянска, Стародуба, Кіева, Луцка и Владимира Волынскаго. Соединеніе всѣхъ союзныхъ польскихъ (Ягайлы) и русско-литовскихъ (Витовта) полковъ произошло въ началѣ іюля 1410 г. а самое сраженіе 15 іюля въ 30 верстахъ отъ современнаго города Млавы, (Плоцкой губерніи) въ мѣстности, которую старые польскіе историки называютъ Грюнвальдомъ или «Зеленымъ полемъ», новѣйшіе-Добровно а нѣмецкіе-Танненбергъ.

Значеніе этой битвы въ исторіи борьбы славянъ съ нѣмцами такое же, какъ и битва Куликовская и одно описаніе боя и послѣдствій его могло бы составить обширный докладъ, но въ этомъ очеркѣ необходимо ограничиться самымъ краткимъ обзоромъ. Рыцарей было около 90000, а у Ягайлы и Витовта почти 170000; вначалѣ рыцари поколебали ряды литовцевъ, но спасли русскіе смоленскіе полки подъ начальствомъ внука Дмитрія Донского князя Юрія Семеновича (Лугвеньевича); всѣ историки признаютъ это. Правое крыло (литовцевъ) побѣжало подъ натискомъ рыцарей, но центръ (русскіе-смоленскіе и галицкіе полки) выдерживалъ въ теченіи всей битвы, пока польскіе полки не довершили разгрома непріятеля. Длугошъ пишетъ: «въ этой битвѣ одно только рыцарство смоленское держась крѣпко при своихъ трехъ знаменахъ упорно сражалось и

не поддавалось на отступленіе; эти три отряда въ войскѣ Александра Витольда покрыли себя славой». Рыцари потерпѣли небывалое пораженіе, болѣе 40,000 было убито, 15000 взято въ плѣнъ со всѣмъ обозомъ, пали великій магистръ, маршалъ и почти всѣ командиры. Это была одна изъ тѣхъ битвъ, которыя—по выраженію Соловьева—рѣшаютъ судьбы народовъ: слава и сила погибли въ ней окончательно [38]).

У нѣмцевъ были снова отобраны устья Вислы, а Жмудь возвращена Литвѣ; все населеніе—духовенство, дворянство и горожане, особенно горожане Гданска—ненавидѣвшее рыцарей, съ восторгомъ привѣтсвовало пришедшихъ съ востока освободителей. Но по своей славянской безпечности поляки не воспользовались, какъ слѣдовало, побѣдой и не отняли у нѣмцевъ земли захваченныя ими у славянъ и литовцевъ на берегахъ Балтійскаго моря, удовлетворившись только тѣмъ, что раздѣлили своими владѣніями на берегу моря Пруссію на двѣ части—восточную и Брандебургскую. Орденъ сталъ въ полу-вассальныхъ отношеніяхъ къ славянамъ; когда комтуръ Плауэнъ заставившій Ягайлу снять осаду Маріенбурга, былъ низложенъ и на его мѣсто избранъ другой, тогда о томъ «почтительно» доложили Польшѣ. Въ 1412 году на съѣздѣ въ Кошицахъ Ягайло предложилъ Сигизмуну Нѣмецкому выгнать совсѣмъ изъ Пруссіи рыцарей Тевтонскаго ордена и подѣлиться землею ихъ; это была мысль достойная исполненія, которая могла бы предотвратить всѣ будущія несчастія Польши, но, разумѣется, нѣмецъ Сигизмундъ отклонилъ Ягайлу отъ такого проэкта [39]).

Между тѣмъ въ Чехіи готовилась также славянская реакція, событіе особенно знаменательное, потому что Чехія, какъ передовой славянскій форпостъ врѣзавшійся въ серединѣ Германіи, болѣе чѣмъ другая страна подвергалась зловредному швабскому вліянію. Въ лицѣ Іоанна Гуса возникла борьба съ германизаціей его родины. Еще за годъ до Танненберга поя-

---

[38]) Dlugosz, Hist. polon. IV, 54; Соловьевъ, Ист. т. I. стр. 1044; Журн. Воен. Истор. Общ. 1910, кн. 3, стр. 1—76.

[39]) Зубрицкаго Критико-историч. повѣсть времен. лѣтъ Червоной или Галицкой Руси, М. 1845, стр. 238—243.

вился извѣстный декретъ 1409 г. объ изгнаніи нѣмцевъ изъ Пражскаго университета, не безъ основанія приписываемый вліянію Гуса и съ этого же года началась открытая вражда нѣмцевъ къ Гусу. Послѣ Танненберга Чехія, Польша, Литва и Россія были наканунѣ братскаго церковнаго единенія, путешествіе 1413 г. Іеронима Пражскаго въ Литву связывало Гуса съ Русью, но нѣмецкое гоненіе привело къ мученической смерти Гуса въ 1415 г. а Іеронима въ 1416 г.; образовался союзъ изъ отложившихся отъ Западной церкви 452 вельможъ, а Жижка всю свою жизнь посвятилъ отмщенію за эту казнь. Гуситское движеніе всецѣло принадлежитъ славянамъ, имѣетъ вполнѣ значеніе національной борьбы и въ правленіе Подѣбрада достигло своего апогея [40]). Все нѣмецкое истреблялось гуситами и самый монастырь, откуда вышли нѣмецкіе палачи-апостолы для кровопролитнаго крещенія пруссовъ былъ уничтоженъ гуситами, какъ бы въ отмщеніе несчастныхъ замученныхъ пруссовъ; дойдя до балтійскихъ береговъ гуситы наполнили свои фляжки морской водой символически показывая, что море снова принадлежитъ славянамъ. Какъ Грюнвальдъ такъ и грозныя побѣды гуситовъ (1419—1431) долго жили въ памяти нѣмцевъ.

Тевтонскій орденъ въ это время проявилъ нѣкоторые признаки жизни и даже вмѣшался въ распрю Ягайла съ Свидригайломъ а въ 1432 г. Ягайло въ союзѣ съ западными славянскими князьями ворвался въ Пруссію и опустошилъ многіе города. По миру въ 1433 г. орденъ уступалъ Польшѣ ея завоеванія. Въ 1440 г. горожане и дворянство Пруссіи образовали «прусскій союзъ», но въ 1453 г. тевтонскіе рыцари хотѣли уничтожить его; тогда союзъ отказался повиноваться ордену и добровольно подчинился Польшѣ. Сначала, въ этой борьбѣ, орденъ даже взялъ верхъ, разбилъ поляковъ и союзъ, но въ 1460 г. Маріенбургъ сдался полякамъ, въ 1462 г. рыцари были поражены при Черновицѣ а въ 1464 г. въ Торнѣ былъ заключенъ миръ, по которому орденъ призналъ себя въ вассальной зависимости отъ Польши, великій магистръ приносилъ при-

[40]) **Гильфердингъ, Гусъ и его отношеніе къ православной церкви. Спб., 1871, стр. 1—2.**

сягу польскому королю и утверждался имъ. Съ другой стороны, однако, мирное завоеваніе нѣмцемъ славянскихъ территорій продолжалось постепенно: начавшаяся еще съ XIII стол. нѣмецкая колонизація польскихъ городовъ, колонизація опирающаяся на нѣмецкое городское «магдебургское» право съ широкимъ самоуправленіемъ, достигло особаго процвѣтанія въ XV вѣкѣ, наканунѣ отреченія доброй половины нѣмцевъ отъ католичества и лютеранскаго нашествія на Польшу [41]).

Тѣмъ временемъ на Констанцкомъ соборѣ уже погубившемъ, при содѣйствіи Сигизмунда Нѣмецкаго, двухъ великихъ славянъ, совершилось и другое событіе не менѣе важное для дальнѣйшей исторіи славяно-нѣмецкихъ отношеній и совершилось по особенному содѣйствію того же Сигизмунда. Среди франконскихъ князей существовалъ родъ нюрнбергскихъ бургграфовъ Гогенцоллерновъ, получившій и мѣсто и титулъ отъ императора въ XII вѣкѣ за свои услуги; бургграфы нюрнбергскіе, скорѣе ростовщики чѣмъ князья, были бережливы, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для пріобрѣтенія сосѣднихъ клочковъ земли и усердно служили каждому королю изъ какой бы династіи онъ ни былъ. Благодаря этому—прибавляютъ довольно наивно историки—они набрали столько имѣній, что стали самыми сильными изъ франконскихъ князей [42]). Фридриху Гогенцоллерну, шестому бургграфу, Сигизмундъ задолжалъ большую сумму денегъ и отдалъ ему, съ приплатой, и Бранденбургъ и маркграфство брандебургское. Въ 1417 г. во время Констанцкаго собора произошла торжественная церемонія инвеституры и положено основаніе Гогенцоллерновъ вышедшихъ, наконецъ, съ помощью денегъ, изъ ничтожества въ скупщики земли Брандебургской, гдѣ впослѣдствіе возникло маленькое Берлинское государство столь зловредное и опасное для европейской цивилизаціи. Это было начало той исключительной брандебургской этики, которая весьма талантливо сумѣла соединить узкій шовинизмъ и безнравственность принциповъ съ нравами первобытныхъ наро-

---

[41]) Карѣевъ, Историч. очеркъ польскихъ сеймовъ. М. 1888, стр. 37.

[42]) Веберъ, Исторія, т IX, Москва 1896, стр. 9.

довъ и ихъ отношеніемъ къ окружающимъ, которая создала такіе типы, какъ напримѣръ, маркграфъ брандебургскій XV столѣтія, при возвращеніи домой изъ долгой поѣздки, такъ присутствующій жену свою съ дороги: «какъ только съ Божьей помощью, пріѣду благополучно, задамъ вамъ перцу—выдеру тебя, маленькаго Альберта и дѣвицъ» [43]); Доротея жена «великаго» курфюрста, торгующая пивомъ и молокомъ; Фридрихъ Вильгельмъ дующій дубиной одинаково какъ сына своего, будущаго «злодѣя Польши», такъ и торговокъ, если онѣ не вязали своего чулка и т. д.

Особенно счастливое для Гогенцоллеровъ обстоятельство произвело въ концѣ XV вѣка на свѣтъ ихъ единомышленника и поклонника всѣхъ земныхъ благъ, спеціалиста неуклюжей нѣмецкой ироніи, знаменитаго Лютера, который отдалъ религію Христа въ монополію своимъ нѣмцамъ—«благородному нѣмецкому племени хваленому во всѣхъ исторіяхъ» [44]). По выраженію Новикова, Лютеръ—это рѣзко отмѣченный типъ завистливаго нѣмца презирающаго все иноземное, ненасытнаго въ своихъ притязаніяхъ на всемірное господство своего «народа»; нѣмецъ съ наглымъ самообольщеніемъ, нахальнымъ самохвальствомъ и совершеннымъ отсутствіемъ порядочности. Онъ убѣжденъ, что архангелъ Гавріилъ и всѣ ангелы смотрятъ на него «доктора Лютера» какъ на драгоцѣнный перлъ, хвалятъ, прославляютъ и удивляются ему, «доктору Лютеру». «Мы охотно согласились бы—замѣчаетъ далѣе Новиковъ—принять эти рѣчи за дерзкую шутку какой-нибудь разгульной нѣмецкой бесѣды, но мы видимъ въ источникахъ всю откровенность самообольщенія Лютера, слышимъ отзывы учениковъ величающихъ его святымъ, великимъ отцомъ и пророкомъ» [45]).

Подобная этика «святого пророка» столь гармонировавшая съ этикой «благороднаго нѣмецкаго племени хваленого во

---

[43]) Трачевскій, Германія наканунѣ революціи, Спб. 1898, стр. 131—132.

[44]) Новиковъ, томъ I, стр. 362.

[45]) Тамъ же, стр. 355, 389—90, 395—96

всѣхъ исторіяхъ» создало полное объединеніе воззрѣній и привело къ ескуляризаціи орденскихъ имѣній и передачи тевтонскихъ вожделѣній преемственно Гогенцоллернамъ.

Между тѣмъ послѣ Торнскаго мира, когда Тевтонскій орденъ сталъ въ зависимость отъ Польши, зависимость меченосцевъ отъ Прусского ордена стала номинальной и сами меченосцы слабѣли и падали, чему способствовало не только деморализація ливонскихъ рыцарей, но и начавшаяся еще въ XIII вѣкѣ борьба ихъ съ своими же епископами. Эта борьба иногда принимала совершенно неожиданные обороты: такъ напр. въ 1297 г. архіепископъ рижскій призвалъ себѣ на помощь противъ рыцарей даже язычника князя Литовскаго; въ 1330 г. рыцари взяли Ригу и архіепископъ едва спасся а когда въ 1347 г. папская булла окончательно освободила орденъ отъ ленной зависимости отъ епископа ,взаимная борьба возгорѣлась еще съ большей силой и продолжалось втеченіи цѣлаго столѣтія не ослабѣвая. Дѣло дошло наконецъ до того, что архіепископъ рижскій въ 1477 г. просилъ помощи у литовцевъ, поляковъ и датчанъ, въ 1479 г. заключилъ союзъ со Швеціей а когда рыцари схватили его и заточили, папа громитъ ихъ и посылаетъ новаго архіепископа а этотъ новый посланецъ продолжаетъ туже борьбу: въ 1481 г. Рига отказалась отъ подчиненія рыцарямъ, въ 1485 г. призвала на помощь себѣ шведовъ, въ 1486 г. Ганзейскій союзъ принялъ сторону Риги и т.д.

Новый гросмейстеръ Плеттенбергъ придумалъ лигу со Швеціей противъ Москвы а Москва заключила союзъ съ Даніей, послѣдствіемъ чего была ливонская война 1501—1505, которая не принесла ливонскимъ нѣмцамъ никакой пользы. Но Плеттенбергъ, непримиримый врагъ Москвы, не безъ основанія боялся правъ ея на Ливонію, которыя она могла предъявить, тѣмъ болѣе, что по мнѣнію полочанъ, предѣлы страны ихъ простирались по Двинѣ вплоть до самаго моря и городъ Рига построенъ на ихъ землѣ [46]).

Тевтонскій орденъ послѣ Торнскаго мира 1464 г. находился въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ, но въ 1497 г.

---

[46]) Соловьевъ, Исторія, книга I, стр. 1616.

сынъ герцога Саксонскаго, избранный въ гроссмейстеры, медлилъ принесть королю польскому должную присягу а въ 1507 г. и совсѣмъ скрылся въ Германіи; избранный на его мѣсто въ 1511 г. Альбрехтъ Брандебургскій точно также отказывался подъ разными предлогами отъ присяги. Москва, вопреки традиціямъ, была на сторонѣ нѣмцевъ и великій князь Василій долженъ былъ «по единству выгодъ» войдти въ довольно тѣсное общеніе съ Тевтонскимъ орденомъ, причемъ въ союзномъ договорѣ 1517 г. было, между прочимъ, сказано, что Альбрехтъ «билъ челомъ великому князю о томъ чтобы его жаловать и беречь, отъ недруга его»; тѣмъ не менѣе существенной пользы нѣмцы отъ Москвы не получили [47]). Поляки въ 1519 г. превратили часть Пруссіи въ пустыню, и въ 1521 г. было заключено въ Торнѣ перемиріе на четыре года и условлено отдать на рѣшеніе третейскаго суда вопросъ о томъ—долженъ ли гроссмейстеръ приносить присягу на вѣрность польскому королю. Въ это же время Альбрехтъ встрѣчаетъ «святаго пророка» Лютера и по совѣту и съ благословенія его становится ренегатомъ, снимаетъ одежду великаго магистра, переходитъ въ лютеранство и выгоняетъ католиковъ, за что императоръ низлагаетъ его а папа отлучаетъ отъ церкви; Альбрехтъ секуляризируетъ орденъ и увлеченный примѣромъ Лютера также женится, но съ той разницей что «святой пророкъ» посвятилъ въ таинство брака монахиню, а Альбрехтъ ограничился только датской принцессой. По Краковскому миру 1525 г. онъ получилъ Пруссію въ ленъ какъ подвластное Польшѣ герцогство и съ тѣхъ поръ до самаго 1657 г. герцоги прусскіе приносятъ королю польскому клятву въ вѣрности [48]). Сюзеренъ Альбрехта утвердивъ его въ новомъ санѣ, потребовалъ чтобы въ герцогскомъ гербѣ на груди чернаго орла когда-то пожалованнаго императоромъ Фридрихомъ великому магистру Герману фонъ Зальца, красовалась начальная буква имени польскаго короля, а Гогенцолерны съ тѣхъ поръ стали даже добиваться

---

[47]) **Тамъ же, стр. 1616—1617, 1626—38. Ср. Карамзинъ т. VII, гл. 2.**

[48]) **Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г., Изд. Археографич. Ком. Спб., 1869, стр. 575—76.**

чести польскаго индигената и принятія ихъ въ число государственныхъ чиновъ Польши.

Послѣ смерти Плеттенберга въ 1535 г. мечеиосцы цѣлымъ рядомъ уступокъ старались предупредить открытый разрывъ съ русскими и, по словамъ старинной пѣсни, «повѣсили мечи на стѣну и храбро воевали не съ русскими а съ пивными кружками». Тѣмъ не менѣе они дѣлали всякія помѣхи къ водворенію западной культуры въ Москвѣ, дабы этимъ отдалить имъ грозящую опасность съ востока, такъ напр. въ 1547 г. магистръ ордена не пропустилъ черезъ Ливонскія земли мастеровъ, которыхъ императоръ посылалъ въ Москву по просьбѣ Іоанна IV. Передъ началомъ второй ливонской войны въ 1554 г. Москва даже предъявила требованіе, чтобы мечеиосцы не заключали договоры безъ ея позволенія. Наконецъ въ 1561 г. совершилось паденіе ордена, Ливонія отдается Польшѣ и гросмейстеръ мечеиосцевъ Готтарсъ Кеттлеръ, слѣдуя примѣру ренегата Альбрехта, также переходитъ въ лютеранскую ересь, женится, захватываетъ себѣ всѣ владѣнія ордена, тѣмъ самымъ уничтожая его, и получаетъ герцогство Курляндское и Семигальское на правахъ польскаго вассала. Такимъ образомъ оба нѣмецкіе ордена Тевтонскій и Ливонскій—прекращаютъ свое существованіе и борьбу, упавъ нравственно, отрицаясь старой вѣры и поднимая гоненіе на культъ, вооруженными служителями котораго они были. Оба нѣмецкіе ордена пали, представители ихъ стали вассалами а земли ленными владѣніями славянскаго племени.

Однако въ половинѣ XVI столѣтія Польша совершила два преступленія противъ славянской идеи: во первыхъ допустила въ прусскіе князья Гогенцоллерна Альбрехта, при которомъ произошло объединеніе Пруссіи незаконно отнятой у Литвы и Брандебурга, такимъ же точно способомъ отнятаго у бодричей и стодорянъ. Во вторыхъ Польша допустила на чешскій престолъ Фердинанда Габсбурга, который объединивъ въ одномъ своемъ лицѣ Чехію, Венгрію и Австрію, домогался еще и польской короны, что и произошло послѣ смерти въ 1572 г. Сигизмунда, когда Габсбурги заявили было притязанія на польскій престолъ. На долю-же чеховъ—какъ вы-

разился Первольфъ—выпала въ это время печальная роль служить невольнымъ орудіемъ стремленій нѣмцевъ на славянскій востокъ для водворенія своего господства надъ поляками и русскими [49]).

Среди такихъ событій наступилъ XVII вѣкъ памятный гибелью Чехіи, беззастѣнчивымъ поведеніемъ «великаго» курфюрста Брандебургскаго и ознаменованный въ началѣ и въ концѣ своемъ тѣми же непростительными политическими ошибками поляковъ, какъ и въ предшествующее столѣтіе. Въ 1618 г. вспыхнула великая война начавшаяся политически-религіозной распрей между чехами и нѣмцами въ Прагѣ и окончившаяся ровно черезъ 30 лѣтъ подъ стѣнами той-же Праги. Въ роковые для чеховъ годы, 1618—1620, они умоляли поляковъ о помощи и пророчески писали «если вы поляки, наши соплеменники, не поможете намъ а будете помогать нашимъ врагамъ, то пропадетъ единоплеменный вамъ народъ чешскій и порвутся всѣ связи соединявшія до сихъ поръ потомковъ двухъ братьевъ Чеха и Лѣха!» [50]). Но это было тщетно. Польша хотя и не помогала нѣмцамъ открыто, но пропустила черезъ свои границы «лисовчиковъ»—славянскихъ разбойниковъ нанявшихся на службу къ нѣмцамъ, и тѣмъ самымъ способствовала пораженію чеховъ въ 1620 г. на Бѣлой Горѣ. Послѣдствіемъ этой битвы, благодаря нерѣшительности Фридриха Пфальцскаго, было паденіе Чехіи, какъ самостоятельнаго государства. Духъ независимости послѣ этой битвы былъ настолько подавленъ въ несчастной странѣ, что даже когда весною 1639 г. Банеръ, разгромивъ габсбургскія войска, подошелъ къ Прагѣ, чехи не возстали и не посмѣли соединиться съ нимъ.

Въ то время какъ Габсбурги—католики боролись съ «еретиками» и протестантами, Гогенцоллерны-лютеране не вмѣшивались въ распрю, за то хорошо умѣли «округлять» свои границы. Со временъ Альбрехта бывшаго гросмейстера, два Гогенцоллерна господствовали одновременно—курфюрстъ на Шпрее, герцогъ на Нѣманѣ, но политическія узы не соединяли ихъ,

[49]) Первольфъ, томъ III, часть I, стр. 122—138.

[50]) Тамъ-же, стр. 156—59.

раздѣленныхъ королевской Пруссіей, которая принадлежала Польшѣ. Когда вѣтвь герцоговъ пресѣклась, ей наслѣдовала вѣтвь курфюрстовъ, и въ 1608 г. Іоаннъ Сигизмундъ, девятый курфюрстъ, получилъ герцогство Прусское съ согласія польскаго сюзерена его. Сынъ его, Георгъ Вильгельмъ выказалъ природные семейные таланты Гогенцоллерновъ, особенно въ эпоху тридцатилѣтней войны: дома онъ былъ протестантъ, во внѣшней политикѣ католикъ, балансировалъ и вправо и влѣво, давалъ войско императору а деньги шведамъ и, конечно, ни тѣ ни другіе не вѣрили ему и разоряли поочередно его владѣнія. Когда Густавъ Адольфъ подступилъ въ 1630 г. къ Берлину, курфюрстъ отдалъ ему Шпандау и Кюстринъ, а когда въ 1637 г. умеръ Богиславъ XIV послѣдній герцогъ померанскій, Георгъ Вильгельмъ поспѣшилъ наслѣдовать ему при содѣйствіи императорскихъ войскъ. Сынъ его Фридрихъ Вильгельмъ блистательно проявилъ подобныя же династическія способности, но въ такой высокой степени, что даже заслужилъ прозваніе «великаго курфюрста»—такъ напр. онъ заключалъ нѣсколько союзовъ сразу, одинъ со Швеціею противъ Польши, другой съ Голландіею противъ Швеціи, и т. д. Свою блестящую карріеру онъ началъ довольно скромно,—какъ преданный вассалъ Польши и стоялъ вообще не многимъ выше обыкновеннаго богатаго польскаго магната. Прежде всего онъ долженъ былъ, какъ герцогъ прусскій, послѣ смерти въ 1640 г. отца своего—кальвиниста, просить у Польскаго двора особаго разрѣшенія на похороны Георга Вильгельма по кальвинистскому обряду, такъ какъ кальвинизмъ не былъ терпимъ въ бывшихъ орденскихъ земляхъ и подвергался жестокому гоненію; затѣмъ онъ долженъ былъ лично просить въ Варшавѣ инвеституры, которая и была дана ему 17 октября 1641 г. подъ условіемъ платить дань, не заключать мира съ врагами государства, допустить апелляцію отъ прусскихъ трибуналовъ къ польскимъ и проч. Свои скрытые таланты Фридрихъ Вильгельмъ имѣлъ возможность впервые показать во всемъ блескѣ при заключеніи Вестфальскаго мира: онъ требовалъ себѣ такихъ вознагражденій несоразмѣренныхъ ни съ совѣстью, ни съ справедливостью, что возбудилъ негодованіе Австріи, Франціи, Швеціи и нѣмецкихъ

княжествъ и только тогда уступилъ кое-что, когда воевавшія стороны рѣшились силой принудить его возвратиться къ здравому смыслу и порядочности.

Тѣмъ не менѣе онъ «округлилъ» свои владѣнія—пріобрѣлъ большую часть Помераніи, три секуляризованныхъ епископства (Магдебургъ, Минденъ и Гальберштадтъ), а отъ своей прабабки герцогство Клевское. Послѣ этого, по выраженію англійскаго дипломата, «онъ сталъ продавать свои услуги и направо и налѣво по какой ему угодно цѣнѣ» [51]). Особенно замысловато поведеніе «великаго» курфюрста въ эпоху польской войны за шведское наслѣдство, когда въ теченіе одного лишь 1656 г. онъ удачно и коммерчески совершилъ одну за другой двѣ измѣны: въ январѣ въ Кенигсбергѣ принимаетъ передъ Карломъ X тѣже обязательства вассала какія онъ несетъ передъ Польшей и способствуетъ пораженію поляковъ подъ Варшавой, взамѣнъ признанія его Швеціей независимымъ государемъ герцогства Прусскаго, а въ ноябрѣ, несмотря на подписанный въ Лабіу договоръ, измѣняетъ шведамъ и передается полякамъ, взамѣнъ признанія—по договору 19 сентября 1657 г.,—независимости его какъ герцога прусскаго уже со стороны польскаго короля, но съ прибавленіемъ оговорки, что по прекращеніи мужской линіи потомства его, герцогство возвратится подъ власть Польши. Пять лѣтъ длилась эта война и столько же разъ, если не болѣе, Фридрихъ Вильгельмъ переходилъ изъ однаго лагеря въ другой. Подобныя способности «великаго» курфюрста побудили его даже измѣнить своему вѣрному честному союзнику королю датскому: когда представился коммерческій случай, Фридрихъ Вильгельмъ заключилъ отдѣльный миръ и такіе политическіе подвиги были оцѣнены по достоинству копенгагенской чернью, которая едва не убила брандебургскаго посла. Въ 1661-71 г. произошла трагедія послѣдней борьбы когда-то литовской земли пруссовъ съ ненасытной «брандебургской пастью» и чрезмѣрными денежными требованіями «великаго» курфюрста грубо нарушившаго всѣ права сейма въ герцогствѣ. Пруссія тяготѣла къ Польшѣ и отрицала всякую общность интересовъ съ Брандебургомъ; сеймъ 1661 г. опротестовавъ сдѣланное безъ его согласія

---

[51]) Трачевскій, стр. 145.

отторженіе Пруссіи отъ Польши, заявилъ, что управленіе Фридриха Вильгельма деспотичнѣе турецкого и что нарушеніе имъ правъ сейма освобождало герцогство отъ присяги. Изъ Кенигсберга была отправлена въ Варшаву депутація съ просьбой о помощи и заявленіемъ что лучше быть подданнымъ у черта, чѣмъ у Брандебурга; начальниками оппозицій были полковникъ Калькштейнъ и кенигсбергскій бюргермейстеръ Роде. Тогда Фридрихъ Вильгельмъ, недолго думая, подкупилъ часть сейма, предательски схватилъ Роде и заточилъ его. Калькштейнъ, основательно изучившій нравственныя качества «великаго» курфюрста еще во времена его перемѣнъ фронта, укрылся въ 1669 г. въ Варшаву, откуда клеймилъ поведеніе брандебуржца и требовалъ чтобы онъ снова призналъ Пруссію польскимъ леномъ, а самъ Фридрихъ Вильгельмъ, вспомнивъ традиціи предательства Герона и тевтонскихъ рыцарей, поручилъ своему резиденту въ Варшавѣ пригласить Калькштейна къ себѣ въ домъ, а оттуда насильно отвезти его въ Мемель, гдѣ въ 1641 г. и казнили его [52]). Такимъ образомъ поляки еще разъ упустили случай въ союзѣ съ Пруссіей обезвредить «великаго» курфюрста а онъ могъ себя поздравить за успѣхъ, хотя и достигнутый только благодаря низости и предательству, но настолько важный, что не будь этого предательства, то и прусскаго королевства не существовало бы никогда. Однако несмотря на всѣ неизсякаемые таланты Фридриха Вильгельма, его всетаки постигла крупная неудача въ періодъ шведской войны 1675-79 г. принудившая его возвратить обратно всѣ занятыя имъ мѣстности, такъ какъ Австрія заключила отдѣльный миръ, высказавъ при этомъ по поводу его, что не желаетъ возникновенія на Балтикѣ новаго вандальскаго короля [53]); а онъ, внѣ себя отъ безсильнаго гнѣва, вскричалъ: да возродится мститель изъ костей кого либо изъ насъ! [54]).

---

[52]) Stenzel, Geschichte d. Preussischen Staats, Hamburg, 1830—1841, t. 2; S. Puffendorfi, De rebus gestis Friderici Wilhelmi magni electoris Brandenburgensis commentariorum libri XIX, Berol. 1694; Ср. Грановскій, стр. 490—96.

[53]) Caesari haud placere regnum Vandalicum ad mare Balticum exsurgere.

[54]) Exariare aliquis nostris ex ossibus ultor!

Въ послѣдніе годы жизни его случилось событіе снова доказывающее всю политическую недальновидность и безразсудство Польши по отношенію къ нѣмцамъ. Это славянское государство, казалось, было предназначено съ самой эпохи Конрада Мазовецкаго повторять постоянно его политическую ошибку, добровольно копать себѣ могилу и строить благополучіе нѣмца. Въ 1683 г. имперія была наканунѣ гибели. Кара-Мустафа съ многочисленной турецко-татарской арміей осадилъ Вѣну, но въ это самое время славянинъ, король Польскій Янъ Собѣсскій съ рыцарской отвагой спасаетъ Вѣну, разбивъ 12 сентября турецкія полчища, а Леопольдъ Австрійскій поспѣшилъ выказать хотя и обычную историческую, тѣмъ не менѣе исключительную неблагодарность своему спасителю. Но Собѣсскій благородно забылъ оскорбленіе, довелъ до конца свои побѣды и только тогда увелъ войска въ морозъ и зимнюю стужу обратно въ Польшу, не получивъ даже и зимовки въ Австріи.

Одновременно начались болѣе тѣсныя соприкосновенія съ нѣмцами и балканскихъ славянъ, которые стали познавать на опытѣ всю исключительность нѣмецкой этики. Австрія въ эту же войну просила содѣйствія черногорцевъ, но при заключеніи Карловицкаго мира 1699 г. помогавшіе нѣмцамъ черногорцы были совершенно упущены изъ виду, какъ будто ихъ вовсе не существовало, зато благодарный и благородный Леопольдъ получилъ Венгрію и Трансильванію. По такому же точно ритуалу было поступлено и съ довѣрчивыми сербами: дипломатическіе агенты Габсбурговъ стали возбуждать ихъ противъ турокъ, Леопольдъ пожаловалъ деспота сербскаго Юрія Бранковича въ графы имперіи, а патріархъ Арсеній Чарноевичъ, по настоятельнымъ просьбамъ, переселился съ сербами въ Банатъ гдѣ имъ были обѣщаны всевозможныя вольности и блага; но едва они оставили турецкую территорію и вошли въ австрійскія владѣнія, какъ благородный Леопольдъ захватилъ въ свои руки «графа имперіи» Бранковича и посадилъ въ крѣпость гдѣ тотъ и пробылъ до самой смерти, не смотря на хлопоты патріарха и Петра Великаго; что касается обѣщаній, то онѣ остались на бумагѣ и взамѣнъ ихъ послѣдовали позже гоненія за вѣру и

стремленіе ввести унію казнями и пытками [55]); наконецъ все это тѣмъ кончилось, что сербо-хорваты, выведенные изъ терпѣнія преслѣдованіями нѣмецкаго неблагодарнаго правительства, въ 1751 г. и 1753 г. переселились, подъ предводительствомъ Хорвата, Депрерадовича и Шевича въ Россію между Кіевомъ и побережьемъ Чернаго моря, въ такъ называемую Славяносербію гдѣ образовали гусарскіе и пандурскіе полки.

Для славянства политическая ошибка Собѣсскаго въ 1683 г. имѣла роковыя послѣдствія: надо было не помогать нѣмцамъ, а воспользовавшись случаемъ нанести смертельный ударъ ихъ господству, освободить славянъ въ Угріи и Хорватіи, вырвать подавленныхъ чеховъ и моравовъ изъ душившихъ ихъ швабскихъ объятій.

Такимъ образомъ къ концу XVII вѣка Польша совершила рядъ политическихъ ошибокъ. Она неосторожно поддержала господство нѣмцевъ въ средней Европѣ, предоставивъ имъ уничтожить въ 1620 г. чешское государство, а послѣ спасала этихъ же нѣмцевъ отъ турокъ; она неосторожно выпустила изъ рукъ своихъ завоеванную Пруссію, изъ которой выросла опасная славянству прусско-брандебургская держава; Гогенцоллерны же и Габсбурги, поддержанные и спасенные поляками, приступили немного позже къ поглощенію и самой Польши и подготовка къ трагедіи 1773 г. началась уже съ 1690 г. послѣ смерти Собѣскаго. По роковому стеченію обстоятельствъ сами поляки посадили на престолъ, а затѣмъ и себѣ на шею нѣмца, потомка тѣхъ саксонцевъ, которые уже съ IX вѣка стали непримиримыми врагами славянъ; сама вдова Собѣсскаго въ ослѣпленіи своей безумной ненависти, въ теченіи междуцарствія 1696—98 гг. употребляла всѣ возможныя интриги и происки, чтобы лишить короны своихъ ненавидимыхъ ею сыновей [56]); самъ Петръ Великій заключившій съ Брандебургомъ договоръ и объявившій Августа Саксонскаго своимъ другомъ, неосторожно содѣйствовалъ избранію этого нѣмца въ короли польскіе.

---

[55]) **Н. Поповъ, Россія и Сербія. Москва, 1869, т. I, стр. 2.**

[56]) **Банятке, Ист. Государства Польскаго, Спб, 1830, т. II, стр. 419—431.**

При такихъ обстоятельствахъ насталъ XVIII вѣкъ особенно прославленный нѣмецкими происками и тираніей въ славянскихъ государствахъ. Начало его ознаменовалось выходомъ на сцену новоявленнаго «короля прусскаго» Фридриха I, наслѣдовавшаго своему отцу «великому» курфюрсту сначала подъ названіемъ Фридриха III. Онъ не имѣлъ выдающихся талантовъ отца, тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ обнаружить много родовыхъ склонностей къ развитію подобныхъ талантовъ въ полной степени. Такъ напр. до самой смерти онъ держалъ въ неволѣ бывшаго своего воспитателя Дункельмана; весьма скромно, хотя и нелегально, купилъ право на управленіе Кведлинбургомъ и Нордгаузеномъ, силою завладѣлъ Эльбингомъ, купилъ Текленбургъ, пріобрѣлъ—несмотря на протесты Франціи—княжество Вельшъ-Нейенбургъ, силою выгналъ голландцевъ изъ графства Мерсъ, которое и занялъ и т. д.

Конечно, сравнительно съ чрезвычайными талантами отца, сынъ былъ весьма скроменъ и скромность его простиралась даже и на самое больное мѣсто Гогенцоллерновъ—черезполосность захваченныхъ ими нелегально владѣній. Его отецъ благополучно подхватилъ изо рта зазѣвавшейся Польши Пруссію и соединилъ ее съ Брандебургомъ; оставалось только ограбить врѣзавшуюся въ средину этихъ владѣній Помереллію, еще принадлежащую Польшѣ и тогда все осуществилось бы, согласно давнишней мечтѣ и завѣтной цѣли Брандебурга. Но ни новому королю, ни сыну его не удалось исполнить этого Гогенцоллернскаго завѣта и только одному философу и писателю Фридриху II было дано счастіе заткнуть за поясъ своего «великаго» прадѣда въ умѣніи интригъ и добиться наконецъ давно ожидаемаго бранденбуржцами раздѣла Польши. Въ ожиданіи этого событія, коммерческая дѣятельность курфюрста Фридриха побудила Габсбурга признать въ концѣ 1700 г. за Гогенцоллерномъ титулъ «короля» прусскаго подъ именемъ Фридриха I, что дало принцу Евгенію Савойскому поводъ воскликнуть: «министры посовѣтовавшіе императору это признаніе, заслуживаютъ смертной казни!».

Впрочемъ и при новомъ королѣ были попытки, весьма упорныя, если не пріобрѣсти «заповѣдныя мѣста», то хотя бы продвинуться къ нимъ поближе. Въ 1698 г. Эльбингъ силою

присоединенный къ Брандебургу, былъ позже занятъ шведами, а въ 1710 г. сдался русскимъ войскамъ. Въ 1711 г. Фридрихъ домогался получить его отъ Россіи и желаніе это было такъ сильно, что—по выраженію Соловьева—забывали приличія. Король просилъ русскаго царя уступить ему Эльбингъ но не явно, а тайно, «а то поляки разсердятся, и потому пусть царское величество повелитъ своему генералу выдти изъ города и тайно увѣдомить объ этомъ пруссаковъ, которые и займутъ Эльбингъ». Въ 1712 г. прусскій министръ Ильгенъ, торгуясь съ русскими за предлагаемыя прусскія услуги, сначала настаивалъ на уступкѣ Эльбинга, а потомъ объявилъ, что пруссакамъ надобно знать, что имъ за ихъ труды дадутъ и что изъ за моднаго Эльбинга они не станутъ хлопотать, надобно еще что нибудь прибавить, т. е. это «что нибудь», должно было состоять изъ части польской Пруссіи и Курляндіи [57]).

Современникъ Фридриха Августъ II попавъ на польскій престолъ, хотя и не принадлежалъ къ брандебуржцамъ, но дѣйствовалъ совершенно въ духѣ ихъ традицій, о чемъ свидѣтельствуютъ предательскій захватъ Собѣсскихъ, выдача Паткуля шведскому королю, заключеніе въ тюрьму Имгофа и Пфингстена, козловъ отпущенія и т. д.; когда же въ 1704 г. съ помощью шведскихъ штыковъ былъ провозглашенъ польскимъ королемъ Станиславъ Лещинскій, Августъ не задумался принять отъ Карла XII самыя унизительныя условія и только послѣ Полтавской побѣды вернулся снова въ Варшаву, сильный дружбою русскаго царя, который простилъ ему заключеніе альтранштедскаго мира. При немъ Брандебургъ продолжалъ свой настойчивый натискъ къ «заповѣднымъ мѣстамъ». Въ 1714 г. одна «знатная и достовѣрная персона» подъ великимъ секретомъ сообщила изъ Гаги русскому двору про новыя комбинаціи прусскаго короля, который предлагалъ Швеціи помощь взамѣнъ уступки Штетина съ округомъ, а въ письмѣ министра Ильгена къ Августу II было предложеніе взамѣнъ признанія его Швеціей польскимъ королемъ уступить Пруссіи Эльбингъ и Польскую Пруссію [58]).

---

[57]) Соловьевъ, Ист. Россіи, книга IV, стр. 309 и 310.

[58]) Тамъ же, стр. 329;—В. Герье, Борьба за польскій престолъ въ 1733 г, Москва 1862, стр. 73.

Второй «король» прусскій Фридрихъ Вильгельмъ всю свою жизнь страдалъ отъ неодолимой страсти прежде всего къ необыкновенной грубости, а затѣмъ къ великанамъ и эта послѣдняя страсть была такъ сильна, что когда русскій царь прислалъ ему только на время великановъ и отобралъ ихъ потомъ обратно, то король долго не могъ позабыть такой ужасной обиды и даже русскій посолъ былъ предупрежденъ не говорить съ нимъ о важныхъ дѣлахъ: «рана въ сердцѣ королевскомъ по поводу великановъ еще слишкомъ свѣжа». Впрочемъ во всемъ остальномъ онъ поступалъ какъ нормальный Гогенцоллернъ и слѣдовалъ традиціи—занимался присоединеніемъ герцогства Гельдернскаго, Помераніи до Пеены, Штетина, острововъ Узедома, Веллина и т. д., преслѣдовалъ вожделѣніями тоже «заколдованное мѣсто», коммерчески продавалъ свои услуги направо и налѣво, причемъ когда Петербургскій дворъ предлагалъ ему вступить въ союзъ, Фридрихъ Вильгельмъ торговался и спрашивалъ безъ церемоніи «что намъ за это дадите?». Послѣ смерти Петра, когда Прусскій дворъ предлагалъ Россіи заключить оборонительный осюзъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ совѣтуетъ прислать королю великановъ напоминая, что и прежде такимъ способомъ важныя дѣла были исправляемы. Въ 1729 г. Берлинскій дворъ, по донесенію князя Долгорукаго, обязался помогать возведенію Саксонскаго наслѣднаго принца на польскій престолъ, за что Фридрихъ Вильгельмъ получитъ Польскую Пруссію, но изъ Москвы отвѣтили послу, что «за такую химеру какъ пріобрѣтеніе Польской Пруссіи не возьмутся, ибо никто изъ сосѣдей не допуститъ, чтобы Польская Пруссія была оторвана отъ Рѣчи Посполитой» [59]).

Въ самой Россіи, между тѣмъ, съ эпохи Петра Великаго, появлялись привитыя имъ симпатіи къ нѣмцамъ ,позже переродившіеся въ поклоненіе имъ. Пока это выражалось дружбой съ Августомъ II, а послѣ его смерти, несмотря на желаніе поляковъ выбрать себѣ короля изъ Пястовъ, былъ избранъ, съ помощью русскихъ штыковъ,сынъ его Августъ III; пока въ Россіи еще была національная партія—Долгорукихъ и Меньшикова.

[59]) Соловьевъ, книга IV, стр. 728, 1004-1005, 1129-1130.

Но когда въ 1730 г. появилась, какъ выражается Ключевскій, «рослая, тучная съ мужскимъ лицомъ,черствая по природѣ 37 лѣтняя Анна Іоанновна, которая привезла въ Москву злой и малообразованный умъ съ ожесточенной жаждой запоздалыхъ удовольствій и грубыхъ развлеченій,»—тогда русская партія рушилась и воцарились нѣмцы;они «посыпались въ Россію точно соръ изъ дыряваго мѣшка, облѣпили дворъ, обсѣли престолъ, забирались на всѣ доходныя мѣста въ управленіи; этотъ сбродный народъ состоялъ изъ креатуръ лифляндца Левенвольда и курляндца Бирона. Казнями и крѣпостями изводили самыхъ видныхъ русскихъ вельможъ, а всѣхъ сосланныхъ въ Сибирь считалось свыше 20000 человѣкъ, торговля упала, народное и государственное хозяйство разстроилось, поля оставались необработанныя, пограничные жители областей бѣжали за границу» и т. д. [60]). Кромѣ незабвеннаго «конюха» Анна Іоанновна привезла съ собой и племянницу принцессу Анну Леопольдовну Брауншвейгъ Люнебургскую, а накунунѣ своей смерти имѣла смѣлость бросить грубый вызовъ русскому чувству національный чести назначивъ своего фаворита регентомъ съ самодержавнымъ полномочіемъ. Но къ счастью для угнетенныхъ русскихъ «нѣмцы послѣ десятилѣтняго господства своего при Аннѣ усѣвшись около русскаго престола, точно голодныя кошки около горшка съ кашей и достаточно напитавшись, начали на сытомъ досугѣ грызть другъ друга:» черезъ годъ послѣ паденія регента совершилось паденіе и Анны Леопольдовны, восторжествовала русская партія и «удачной ночной фееріей—добавляетъ Ключевскій—разогнанъ былъ курляндско—брауншвейгскій таборъ собравшійся на берегахъ Невы дотрепывать верховную власть завѣщанную Петромъ Великимъ» [61]). Русская партія восторжествовала и Россія немного вздохнула отъ иноземнаго гнета, чтобы потомъ, черезъ нѣкоторое время, снова повалиться добровольно и добродушно въ ноги хитрому нѣмцу.

---

[60]) Ключевскій, Курсъ русск исторіи, часть IV, М. 1910, стр. 390—393.

[61]) Тамъ же, стр. 349 и 351.

Но до этого знаменательнаго времени произошло столкновеніе славянской имперіи съ брандебургскими хищниками славянскихъ земель, столкновеніе едва не завершившееся гибелью Гогенцоллернской политики.

Въ годъ смерти Анны Іоанновны умеръ и Фридрихъ Вильгельмъ и въ Берлинѣ воцарился сынъ его, Фридрихъ II, прозванный даже «великимъ» потому что на немъ вполнѣ отразилась вся сила Гогенцоллернской традиціи. Рожденный философомъ, писателемъ, поэтомъ, музыкантомъ и съ другими подобными же талантами, онъ удачно сочеталъ теорію «великаго» мыслителя и практику нормальнаго Гогенцоллерна со всѣми его качествами; теорію онъ оставилъ у себя въ кабинетѣ для собственнаго употребленія, а практику пустилъ въ свѣтъ и въ оборотъ; онъ либеральничалъ себѣ на умѣ, въ кабинетѣ писалъ «Анти-Макіавелли» а на практикѣ дѣйствовалъ по рецепту Макіавелли, не разбирая средствъ къ достиженію цѣли; уже будучи кронпринцемъ, въ пылу вѣковыхъ родовыхъ домогательствъ, онъ совѣтовалъ отцу тотчасъ же послѣ смерти Августа II воспользоваться тѣмъ, что плохо тогда лежало и подхватить «заколдованное мѣсто»—Польскую Пруссію. Этотъ «философъ», какъ только вступилъ на престолъ, тотчасъ же увеличилъ свою армію, а затѣмъ, не долго думая, показалъ и свою внѣшнюю дѣятельность.Императоръ Карлъ VI въ 1723 г. обнародовалъ законъ о престолонаслѣдіи и нераздѣльности наслѣдственныхъ австрійскихъ земель, такъ называемую «прагматическую санкцію», которую въ 1728 г. гарантировалъ договоромъ король прусскій; въ концѣ 1740 г. Карлъ VI умеръ а «философъ» немедленно же и несмотря на договоръ отца своего, кинулся на Силезію и захватилъ ее подъ предлогомъ, чтобы другіе претенденты не заняли этой провинціи; затѣмъ въ 1744 г., какъ только пресѣкся владѣтельный домъ, занялъ насильно восточную Фрисландію и получилъ за это гавань въ Нѣмецкомъ морѣ, а въ 1745 г. вторично бросился на Австрію.

Болотовъ въ своихъ замѣчательныхъ Запискахъ говоря про Фридриха II и захватъ имъ Силезіи пишетъ слѣдующее: будучи рожденъ съ отмѣнными качествами и дарованіями, и совращенъ въ молодости еще своей учителями и друзьями не

весьма хорошихъ характеровъ, съ пути истинныхъ добродѣтелей, не успѣлъ онъ лишиться отца своего, какъ нашедъ у себя прекрасное и многочисленное войско и великое множество наличныхъ денегъ, восхотѣлъ воспользоваться сдѣлавшимися тогда по причинѣ смерти Карла VI во всей Европѣ замѣшательствами и отнять наглымъ почти и несправедливѣйшимъ образомъ отъ цесарской державы смежную къ себѣ и весьма знаменитую провинцію Шлезію; онъ напалъ наискоропостижнѣйшимъ образомъ тогда на сію провинцію и будучи весьма расторопнымъ и хитрымъ, такъ утѣснилъ дочь императора Марію Терезію, что она принуждена поневолѣ уступить ему помянутую провинцію [62]).

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ находили, что усиленіе прусскаго королевства опасно для Россіи, и дѣлалось все, чтобы сократить силы короля, а государственные русскіе люди указывали на интриги его и въ Швеціи и въ Польшѣ. Въ своемъ письмѣ въ 1743 г. къ императрицѣ Бестужевъ писалъ изъ Берлина между прочимъ: хотя король прусскій старается всевозможными ласкательствами ваше величество усыпить и тѣмъ отвратить отъ принятія какого нибудь участія въ нынѣшнихъ европейскихъ дѣлахъ, но какъ скоро достигнетъ своей цѣли, пріобрѣтетъ еще что нибудь, то уже не говоря о томъ, что можетъ присоединить къ своему государству и Польскую Пруссію, получитъ въ Польшѣ и Швеціи великое вліяніе и не преминетъ возбудить противъ Россіи шведовъ и поляковъ, а Воронцову въ томъ же году писалъ: ежели сей заносчивый сосѣдъ—король прусскій немного усмиренъне будетъ, то мы его, какъ ваше сіятельство зрѣло разсуждаете, чрезъ долго или коротко, въ нашей Лифляндіи съ вящшею силою, нежели у него теперь есть—хотя онъ уже и такъ весьма опасенъ—увидѣли-бъ [63]).

Фридрихъ настолько увлекся интригами, что—если только вѣрить показаніямъ раскольника Зубарева—передъ семилѣт-

---

[62]) Записки А. Т. Болотова. Изд. 3-ье. Спб. 1875, томъ I, стр. 417—418. См. также Arneth, Geschichte Maria Theresias. Wien, 1879.

[63]) Соловьевъ, книга V, стр. 284—85, 289.

ней войной, въ 1755 г даже принималъ его въ Потсдамѣ, давалъ ему денегъ и поощрялъ способствовать свержению императрицы, возстановленію Іоанна Антоновича, обѣщая прислать весной 1756 г. въ Архангельскъ корабли «чтобы выкрасть его» и т. д.;результатомъ всего этого было то, что Зубаревъ попалъ въ Тайную Канцелярію, а Іоанна Антоновича изъ Холмогоръ перевезли въ Шлиссельбургъ [64]).

Семилѣтняя война, которую возбудилъ и началъ самъ Фридрихъ, воскресила на короткое время традиціи исторической борьбы. Русскія войска въ 1757 г. взяли Мемель, нанесли пораженіе пруссакамъ при Гросъ-Егерсдорфѣ (19 августа), въ январѣ слѣдующаго года заняли Тильзитъ и Кенигсбергъ, и хотя 14 августа и произошла нерѣшительная битва при Цорндорфѣ, но за то въ 1759 г., 12 іюля русскіе полки разбили нѣмцевъ при Пальцигѣ, а 1 августа произошла знаменитая побѣда при Кунерсдорфѣ, въ которой пруссаки понесли полное пораженіе, а самъ «философъ» король, чуть чуть не попалъ въ плѣнъ. Городъ Кенигсбергъ былъ обращенъ въ губернскій городъ, жителей привели къ присягѣ на русское подданство, въ городѣ уже чеканилась русская монета, появился даже православный монастырь съ архимандритомъ изъ Данкова, а въ началѣ 1760 г. былъ составленъ проэктъ о совершенномъ присоединеніи завоеванной части Пруссіи къ Россіи, проэктъ утвержденный 30 апрѣля императрицей [65]). Въ концѣ сентября 1760 г. русскія войска заняли Берлинъ. Во исполненіе повелѣнія императрицы русская армія перешла 12 сентября р. Одеръ; Тотлебенъ шелъ впереди, за нимъ Чернышевъ и Панинъ; 22 сентября они явились подъ Берлиномъ, а 28-го городъ сдался, русскіе заняли его и потребовали контрибуцію. У Болотова особенно подчеркивается дѣятельность въ то время одного берлинскаго купца Гоцковскаго. По свидѣтельству автора «Записокъ» Гоцковскій занимался все время спасаніемъ Берлина, не допуская къ исполненію ни одного русскаго требованія. Такъ напримѣръ, Тотлебенъ требовалъ съ города четыре

---

[64]) Соловьевъ, стр. 905—906.

[65]) Болотовъ, томъ I, стр. 518—557; 675—765, 900 и 913—924.

милліона талеровъ контрибуціи, но Гоцковскому удалось «чрезъ пожертвованіе великихъ суммъ изъ собственнаго своего капитала требуемую сумму уменьшить до полутора милліона, да сверхъ того, чтобъ дано было войскамъ въ подарокъ 200 тысячъ талеровъ, также добиться и до того, чтобъ и вся оная небольшая и ничего почти незначущая сумма принята была вмѣсто старыхъ и новыми маловѣсными и тогда ходившими обманными деньгами». Главнокомандующій графъ Ферморъ велѣлъ уничтожить всѣ королевскія фабрики, а Гоцковскій «безъ памяти бѣжитъ къ Тотлебену, употребляетъ все возможное и представляетъ ему, будто-бы сіи, такъ называемыя королевскія фабрики не принадлежатъ собственно королю и доходъ отъ нихъ будто-бы не отсылается ни въ какую казенную сумму, а употребляется весь на содержаніе Потсдамскаго сиротскаго дома». Ему вѣрятъ и фабрики спасены. Далѣе, велѣно берлинцамъ снести все свое огнестрѣльное оружіе на Дворцовую площадь, но «Гоцковскій произвелъ то, что и сей приказъ былъ отмѣненъ и для одного только имени принесено на площадь нѣсколько сотъ старыхъ и негодныхъ ружей и по переломаніи казаками брошены въ рѣку и. т. д. [66]).

Русское побѣдоносное шествіе поставило Фридриха II въ весьма отчаянное положеніе; этому «философу» предстояла непріятная, конечно, для него, но вполнѣ заслуженная, по законамъ справедливости, перспектива изъ «прусскаго короля» стать съизнова «брандебургскимъ курфюрстомъ», и мысль о самоубійствѣ не покидала его: онъ носилъ всегда при себѣ ядъ и намѣревался уже уступить Россіи на вѣки Пруссію [67]).

Но внезапно случилось то, что только бываетъ въ фееріяхъ. Императрица неожиданно скончалась и на русскомъ престолѣ очутился Петръ III, который хотя и не будучи Гогенцоллерномъ, разыгралъ превосходно роль «Гогенцоллернскаго бога». Сразу, какъ въ сказкѣ, наступила реакція, спасеніе ошеломленнаго отъ счастья «философа», возвращеніе ему

---

[66]) Соловьевъ, кн. V, стр. 1148—55; Болотовъ, т. II, стр. 18—27.

[67]) Соловьевъ, стр. 1222; Болотовъ, т. I, стр. 557 и 923, т. II, стр 226 и 236.

обратно всей завоеванной Пруссіи уже присягнувшей императрицѣ, при чемъ не удержано ни малѣйшей частицы изъ завоеванныхъ земель, къ досадѣ и безславію русскихъ воиновъ геройски, но даромъ проливших кровь и отдавшихъ жизнь [68]).

Наслѣдникъ Елизаветы Петровны, горячій «вѣрноподданный Потсдамскаго философа» и ненавистникъ всего русскаго, поспѣшилъ ввести въ русскихъ полкахъ прусскій режимъ, маневры, мундиры, названія, начальство; среди духовенства пытался ввести лютеранскій духъ; прусскій посланникъ хозяйничалъ въ внѣшней русской политикѣ и всѣмъ распоряжался при дворѣ. «Прусскій вѣстовщикъ до воцаренія, пересылавшій Фридриху II въ семилѣтнюю войну свѣдѣнія о русской арміи, Петръ на русскомъ престолѣ сталъ—по выраженію Ключевскаго—вѣрноподданнымъ прусскимъ министромъ» [69]). Онъ старался всюду рекламировать свою ненормальную страсть къ «философу», а во время торжественнаго празднованія заключенія мира съ Пруссіей, дошелъ даже до того, что «публично, при всемъ великомъ множествѣ особъ и иностранныхъ министровъ сталъ передъ портретомъ короля прусскаго на колѣни и воздавая оному непомѣрное уже почтеніе, называлъ его своимъ государемъ: произшествіе покрывшее всѣхъ присутствовавшихъ при томъ стыдомъ неизъяснимомъ и сдѣлавшееся столь громкимъ, что молва о томъ на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвела въ сердцахъ всѣхъ россіянъ и во всемъ народѣ крайне непріятныя впечатлѣнія» [70]).

Между тѣмъ самый «предметъ» не успѣлъ еще достаточно насладиться фиміамомъ поклоненія, какъ поклонникъ его скоропостижно умеръ, на престолъ взошла великая Екатерина, умеръ вскорѣ король польскій и снова старое скрытое стремленіе къ «заколдованному мѣсту» проснулось въ сердцѣ «философа». Затаивъ свою нѣмецкую ненависть къ славянской имперіи онъ открылъ ту сѣть интригъ, происковъ и, по

---

[68]) Болотовъ, томъ II, стр. 174, 236.

[69]) Ключевскій, часть IV. стр. 461.

[70]) Болотовъ, т II, стр. 232—3.

примѣру своего великаго прадѣда, услугъ направо и налѣво, которыя обезсмертили его, какъ талантливаго и главнаго виновника раздѣла Польши.

Надо, конечно, быть или очень наивнымъ или совсѣмъ не понимать послѣдовательную связь историческихъ событій, если думать, что кто либо другой, кромѣ короля прусскаго, виновенъ въ катастрофѣ 1773 года; если не знать, что главный и первый виновникъ—Пруссія, что для нея обладаніе польской Пруссіей являлось вопросомъ жизни и смерти и что всѣ заботы и стремленія ея правителей направлялись къ пріобрѣтенію этого «заколдованнаго мѣста» слишкомъ долго, по нѣмецкому мнѣнію, остающагося въ рукахъ славянъ. Съ того фатальнаго года, какъ Конрадъ Мазовецкій безразсудно призвалъ тевтонскихъ рыцарей и допустилъ нѣмцевъ врѣзаться и осѣсть глубоко среди славянскихъ и литовскихъ земель,—съ этого же года возникла и причина медленно приближающая къ катастрофѣ раздѣла. Уже при Сигизмундѣ Венгерскомъ и Венчеславѣ Чешскомъ зародилась впервые такая идея, а когда на подмосткахъ всемірной комедіи появилась исключительная семья Гогенцоллерновъ и образовавъ лигу владѣтельныхъ «кулаковъ» завладѣла властью и въ Брандебургѣ и въ Пруссіи; когда, съ помощью неблаговидныхъ происковъ, удалось такъ называемому «великому» курфюрсту схватить восточную Пруссію,—тогда окончательно выяснилось значеніе «заколдованнаго мѣста», польской Пруссіи, и съ тѣхъ поръ историку легко прослѣдить всѣ старанія, интриги и подходы Гогенцоллерновъ направленные къ одной и той же цѣли до той самой эпохи, какъ «философу» Фридриху цѣлымъ рядомъ предосудительныхъ поступковъ удалось наконецъ добраться до завѣтнаго мѣста. Въ настоящее время въ исторической наукѣ не остается болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, кто первый и главный виновникъ раздѣла Польши.

Какъ извѣстно, Польша въ эпоху второго короля—нѣмца (1734—1763) пользовалась спокойствіемъ и по выраженію Лелевеля, «о постороннихъ войнахъ узнавала тогда только, когда иностранныя войска проходили черезъ ея область на войну или возвращаясь съ войны, когда иноземцы посѣщали ее

для фуражировокъ и вербунокъ или завозили въ нее фальшивую монету, которую пускалъ въ ходъ въ Польшѣ король прусскій Фридрихъ прозванный великимъ; тогдашняя Польша была похожа на заѣзжую корчму: кто въ нее врывался, заводилъ шумъ и тревогу, а затѣмъ отправлялся покойно далѣе» [71]).

«Прусскія» заслуги Фридриха заключались въ томъ именно, что онъ умѣло схватилъ всѣ обстоятельства дѣла, талантливо интриговалъ и тутъ и тамъ, лавировалъ среди безчисленныхъ препятствій и съ большимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла самъ препятствовалъ въ Польшѣ реформамъ, которыя вывели-бы несчастную страну изъ анархіи, а это былобы невыгодно для «философа»: Польша могла-бы пробудиться и понять какой рѣдкій сосѣдъ у нея подъ бокомъ. И обнародованные историческіе матеріалы и спеціальныя изслѣдованія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло раздѣла было задумано Фридрихомъ, но ему однако нужно было пустить въ ходъ все свое политическое искусство, чтобы добиться желаннаго результата [72]). За искуство свое вообще Фридрихъ получилъ себѣ отъ прусскаго потомства прозваніе не только «великаго», но даже и «генія». Задолго еще до раздѣла—говоритъ одинъ изъ его историковъ—геній Фридриха схватилъ сущность отношеній Пруссіи къ Польшѣ, понявъ, что большая Пруссія возможна была лишь при маленькой Польшѣ и наоборотъ,—а въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ довольно откровенно и наивно пишетъ панегирикъ прусскимъ интригамъ: «Тотъ, кто составилъ проэктъ и былъ главнымъ двигателемъ раздѣла, былъ всегда, и теперь остается, Фридрихъ, и нужно удивляться ловкости, искусству съ какимъ онъ довелъ это дѣло до конца и для достиженія своихъ плановъ привелъ къ союзу съ собой, противъ ихъ собственной воли и собственнаго интереса, двѣ державы (т. е. Россія и Австрія), изъ коихъ одна (Австрія) была къ нему враждебна» [73]).

---

[71]) I. Лелевель, Кратк. очерки исторіи польск. народа, Спб., 1862, стр. 199.

[72]) Карѣевъ, Паденіе Польши въ исторической литературѣ, Спб. 1888, стр. 386—387.

[73]) Smitt, Suworov und Polens Untergang, edit. 1858, p. V;—Frederik II, Catherine et le partage de la Pologne, Paris 1861, I, p. 145. См. Карѣевъ, стр. 122, 135—36.

Въ запискахъ Фридриха, особенно въ первомъ изданіи 1788 г.—такъ какъ изъ второго, 1847 г., изданія были пропущены нѣкоторыя мѣста [74])—приведены многочисленныя доказательства таланта «философа» къ интригамъ. Прежде всего, въ самомъ началѣ записокъ, по поводу войны Россіи съ Турціей 1769—1774 г.г., онъ довольно цинично признается, что въ это именно время и насталъ часъ ловить рыбу въ мутной водѣ: надо быть погруженнымъ въ самое глупое тупоуміе, по его словамъ, чтобы не воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ. Черезъ страницу онъ скромно заявляетъ, что никогда никого не обманувъ при жизни, онъ тѣмъ менѣе способенъ обмануть потомство [75]). Затѣмъ начинается изложеніе и самой дѣятельности «великаго» короля.

Въ войнѣ Россіи съ Турціей онъ увидѣлъ «выгодный случай» для распространенія своихъ владѣній; точно также и изъ этой же войны выводилъ и Габсбургъ выгодный случай «для перемѣны политической системы Европы». Тогда оба нѣмца, забывъ на время свою вражду, вознамѣрились соединиться противъ славянъ и за все, конечно, «должна была поплатиться Польша—запасный магазинъ Восточной Европы». Попытка къ сближенію—не увѣнчавшагося, какъ извѣстно, успѣхомъ—между Берлиномъ и Вѣной произошла въ августѣ 1769 г., при свиданіи Фридриха съ Іосифомъ, и тогда же Габсбургъ въ письмѣ къ матери замѣтилъ, что «геній» Фридрихъ говоритъ чудесно, но въ каждомъ словѣ его проглядываетъ плутъ [76]).

Въ 1771 г. Австрія временно заняла Ципсъ, а Фридрихъ видитъ въ этомъ поводъ къ раздѣлу, старается внушить и приписать Петербургскому двору собственныя свои мысли, поручаетъ своему послу позондировать почву, неожиданно наталкивается на Панина, который критикуетъ идею раздѣла и въ послѣднюю минуту рекомендуетъ считаться съ мнѣніемъ

---

[74]) Карѣевъ, стр. 100—103.

[75]) Oeuvres posthumes de Frederic II, roi de Prusse, Berlin 1788, tome 5, pp. 9—10, 11—12.

[76]) Arneth, Maria Theresia, Wien, 1863, II, 1, 300; Соловьевъ, книга 6, стр. 622—23.

австрійскаго министра Кауница. Но «философъ» занявшій самымъ невиннымъ и невольнымъ образомъ границу ради якобы предупрежденія «чумы» въ Польшѣ,—не унывалъ, потому что «въ дѣлѣ подобнаго рода не время было смущаться такими пустяками», а спѣшитъ передать Петербургу не только то, что говорилось, а даже и не думалось въ Вѣнѣ; дѣятельность его, подробности которой можно найдти въ мемуарахъ, увѣнчалась успѣхомъ: онъ достигъ наконецъ той цѣли, къ которой стремились тщетно всѣ его предки и польскій раздѣлъ былъ настоящей дипломатической побѣдой Пруссіи надъ Россіей, нѣмцевъ надъ славянами [77]). Онъ получилъ давно желанное «заколдованное мѣсто», хотя къ бочкѣ меда ему прибавили и ложку дегтя: онъ получилъ всю польскую Пруссію, но Торунь и Гданскъ, два важныхъ пункта, лежавшіе на двухъ концахъ ставшей прусской Вислы, остались все-таки за Польшей, потому что ихъ отстояла русская дипломатія, не смотря на всю досаду Фридриха. Съ тѣхъ поръ эти оба пункта—вошли въ объектъ дальнѣйшихъ стремленій Гогенцоллерновъ. Самъ же «философъ» возбудившій негодованіе всей Европы своей династической политикой, имѣлъ за то очень большое вліяніе при русскомъ дворѣ и англійскій посолъ въ Петербургѣ доносилъ своему правительству, что «графъ Панинъ всякую идею получаетъ отъ его прусскаго величества и принимаетъ ее, не подвергая ни размышленію, ни разбору» [78]); когда же въ 1778 г. между Пруссіей и Австріей произошла такъ называемая «картофельная война» изъ-за баварскаго наслѣдства, Россія даже хотѣла принять сторону Берлина и это заставило Австрію заключить Тешенскій миръ 1779 г. въ пользу Фридриха. Въ старости, по свидѣтельству близкихъ, онъ окончательно олицетворилъ всѣ качества Гогенцоллерновъ и «признательность менѣе всего входила въ кругъ его дѣятельности». За годъ до смерти онъ успѣлъ организовать давно имъ задуманный «союзъ князей» направленный тогда преимущественно противъ ненавистныхъ ему Габсбурговъ: это была

---

[77]) Frederic, Oeuvres, tome 5, стр. 59—72 и далѣе.

[78]) Рус. Ар. 1874, II, 155. См. Линниченко „Два письма Фридриха II", Одесса, 1914, стр. 2.

первая попытка прусской гегемоніи, первый камень фундамента прусскаго объединенія Германіи [79]). Наконецъ, въ 1786 г. Фридрихъ рѣшился умереть, быть можетъ и къ горю берлинцевъ, но за то къ нравственному облегченію всѣхъ истинныхъ цѣнителей чести и справедливости, и уже, конечно, къ несомнѣнному удовольствію Габсбурговъ, вынужденныхъ въ началѣ столѣтія признать за бранденбуржцами титулъ «короля», а позже, вслѣдствіе—по выраженію Арнета—«грязнаго, ни чѣмъ не смываемаго пятна», т. е. вторженія въ Силезію Фридриха II, вынужденныхъ отдать ему эту древне-славянскую землю. Съ тѣхъ поръ «взаимная вражда Австріи и Пруссіи служила болѣе тридцати лѣтъ главнымъ средоточіемъ политическихъ отношеній европейскихъ державъ», и эту вражду немало поддерживали и послѣдующія событія: побѣды Елизаветы упрочившія за Австріей ея владѣнія, Губертсбургскій миръ 1763 г. вырвавшій ихъ снова изъ рукъ Габсбурговъ, Тешенскій миръ 1779 г. заключенный въ пользу Пруссіи, «союзъ князей» противъ Австріи и т. д.

Впрочемъ и сама «Священная Римская Имперія», про которую такъ остроумно сказалъ Вольтеръ, что она «не священная, не римская и не имперія»—никогда не забывала обычнаго ритуала нѣмецкой благодарности къ славянамъ и всегда, при всякомъ удобномъ случаѣ спѣшила засвидѣтельствовать его. Такъ напримѣръ въ турецкую войну 1738—39 г.г. не смотря на свои побѣды и огромныя денежныя жертвы, Россія ничего не получила, потому что Австрія, тайно отъ нея, заключила миръ съ Турціей; по этому поводу русскій посланникъ въ Вѣнѣ Ланчинскій отправилъ къ своему двору депешу: «съ неописаннымъ прискорбіемъ принужденъ я донести коимъ образомъ мирная негоціація, которая въ турецкомъ лагерѣ отправлялась черезъ генерала Нейберга и толь долгое время содержана была въ крайнемъ секретѣ, наконецъ вскрылась зѣло гнило, неслыханно, и такова, что добрая союзная вѣрность и здѣшняго двора честь повреждена и репутація оружія ногами попрана» [80]). Точно такіе же пріемы благодарности

[79]) Трачевскій, стр. 162—176.

[80]) Соловьевъ, книга IV, стр. 1396.

проявляла Австрія и въ турецкую войну 1787—1791 г.г., на этотъ разъ по отношенію къ сербамъ, распространяя среди нихъ воззванія къ вооруженному возстанію. «Это былъ способъ придуманный еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ императоромъ Леопольдомъ», и принесшій такіе же точно плоды: по Систовскому миру 1791 г. Австрія оговорила амнистію только сражавшимся сербамъ, а вся сербская райя снова подпала подъ турецкое иго.

Въ эпоху этой же турецкой войны совершились, а позже и закончились дѣла польскія, искусно доведенныя нѣмцами до конца. Торунь и Гданскъ, какъ кость въ горлѣ, не давали покоя Гогенцоллерну. Наслѣдникъ и племянникъ «философа», король Фридрихъ Вильгельмъ II завершилъ зданіе благополучія нѣмца на развалинахъ славянскаго государства. Въ припадкѣ исторической благодарности за спасеніе Россіей Пруссіи въ 1762 г., новый король дѣйствовалъ—хотя и не такъ тонко—въ духѣ дяди своего, писалъ письма Селиму III возбуждая его къ продолженію войны и лицемѣрно обѣщая помощь; прусскій дипломатъ Герцбергъ изобрѣтая все новые и новые способы къ захвату, предлагалъ, въ счетъ будущихъ «турецкихъ пріобрѣтеній» Австріей передать Польшѣ забранную Габсбургами Галицію, а Польша за это отдастъ Пруссіи Торунь и Гданскъ; прусскій посланникъ, бывшій библіотекарь Фридриха II, маркизъ Люккезини, льстя всѣмъ въ Варшавѣ въ глаза и въ одной комнатѣ пятерымъ говоря разное, возстанавливалъ поляковъ на Россію, и выхлопатывалъ все тѣже заколдованные города. Но интриги эти сначала не имѣли успѣха, поляки добровольно не хотѣли дарить нѣмцамъ ничего, составили даже Тарговицкую конфедерацію и такъ вообще относились къ нѣмцамъ, что въ январѣ 1793 г. прусскій посланникъ Бухгольцъ принужденъ былъ даже сознаться, что поляки пруссаковъ ненавидятъ до крайности и что они имъ противны оттого, что они нѣмцы [81]).

---

[81]) **Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой**, Спб. 1886, т. I, стр. 321—26; т. II, стр. 6—8, 375.

Наконецъ послѣ долгихъ и тяжелыхъ распрей—насильственнаго расторженія Тарговицкой конфедераціи, уничтоженія рѣшенія «четырехлѣтняго сейма» Гродненскимъ, послѣ долгой интриги нѣмца и агоніи славянъ, пруссакъ прихватилъ оба «заколдованные» города германизовавши ихъ въ Данцигъ и Торнъ, а съ ними зацѣпилъ и большую часть собственной Польши съ Варшавой.

Такимъ образомъ цѣль, въ теченіи столькихъ вѣковъ преслѣдуемая сначала тевтонскими рыцарями, затѣмъ Гогенцоллернами, осуществилась, и западные славяне были покорены. «Центробѣжныя стремленія ихъ вмѣстѣ съ антиславянской дѣятельностью нѣмцевъ помѣшали образованію сильнаго западно-славянскаго государства, разрушали всѣ планы моравскихъ Ростислава и Святополка, чешскихъ Болеслава и Брячислава, и польскаго Болеслава Великаго. Полабско-балтійскіе славяне не поддерживаемые ни чехами, ни поляками погибли; нехи спаслись отъ такой же участи только вслѣдствіе добровольнаго присоединенія къ нѣмцамъ.Польша отраженная на западѣ напирающимъ на востокъ нѣмецкимъ народомъ, бросилась въ свою очередь то же на востокъ, теряя одновременно на западѣ весьма важныя территоріи ей принадлежавшія, и Силезія, древняя коренная польская Пястовская земля осталась въ рукахъ нѣмцевъ. Измѣнивъ завѣтамъ Пястовъ Польша не стремилась достаточно энергично утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря и утратила все, необходимое для будущности государства, побережье. Поляки очутились передъ «нѣмецкой ненасытной пастью» и раздѣлили участь остальныхъ западныхъ славянъ. Въ XII вѣкѣ нѣмцы воздвигли гробницу полабско-балтійскимъ славянамъ, не безъ содѣйствія чеховъ и поляковъ; вторая западно-славянская гробница поставлена нѣмцами въ началѣ XVII вѣка надъ чехами, въ 1620 г., при чемъ помогали и поляки, а въ концѣ XVIII вѣка, нѣмцы наконецъ поставили и третій, послѣдній, западно-славянскій памятникъ, въ 1795 г., надъ поляками» [82]).

---

[82]) **Первольфъ, т. III. часть I, стр. 165; Р. Дмовскій, Германія, Россія и Польскій вопросъ, Спб., 1909, стр. 25—26.**

Въ довершеніе всего, въ самомъ концѣ этого, печальнаго для славянъ, XVIII столѣтія, славянскія войска выступали снова на защиту чуждыхъ и враждебныхъ имъ нѣмецкихъ интересовъ. Во время похода Суворова 1799 г., Габсбурги повторили имъ обычный пріемъ благодарности, но въ болѣе упрощенномъ видѣ; черезъ пять дней послѣ взятія Нови Суворовъ получилъ предписаніе идти въ Швейцарію и такимъ образомъ совершился тотъ знаменитый переходъ черезъ Альпы, доказавшій всю желѣзную стойкость русскихъ воиновъ, все исключительное предательство Габсбургскаго двора и всю талантливую дипломатію русскаго посла въ Вѣнѣ, князя Разумовскаго, «который пламенѣлъ душою къ австрійскимъ интересамъ—вѣрнѣе, интересамъ своихъ безчисленныхъ вѣнскихъ кредиторовъ—и оставался болѣе чѣмъ равнодушенъ къ русскимъ» [83]).

При такихъ, спеціально германофильскихъ, обстоятельствахъ насталъ XIX вѣкъ. Если въ XVIII столѣтіи нѣмцы угнетали въ Россіи, то имъ оказывалось изрѣдка все таки нѣкоторое какъ бы сопротивленіе со стороны угнетаемыхъ; за то въ XIX столѣтіи въ Россіи открылась повальная эпидемія германолатріи уже безъ всякаго со стороны русскихъ сопротивленія, и нѣмцы наводнили—какъ и въ Бироновское время—всѣ роды службы, промышленности и науки. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка въ Россіи появился лжекорифей русской исторической науки, извѣстный Шлецеръ, пустившій въ моду нѣмецкую теорію норманизма, которая такъ много препятствовала—по свидѣтельству Иловайскаго—правильной обработкѣ древнѣйшаго русскаго періода, искажая факты и дѣлая ложные выводы: пока нѣмцы не принимались за русскую исторію, ученые люди трезво смотрѣли на древнѣйшую Русь еще въ XVII вѣкѣ [84]). Выписанный историкомъ Миллеромъ себѣ въ помощники въ 1762 г., Августъ Людвигъ Шлецеръ безъ замед-

---

[83]) Скальковскій, Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ, Спб. 1897, стр. XIX.

[84]) Иловайскаго, Разысканія о началѣ Руси, Москва 1882, стр. 471;—Вторая дополнительная полемика по вопросу варяго-русскому, М. 1902, стр. 74 примѣч.

ленія поспѣшилъ показать всѣ свои качества: неблагодарность къ своему благодѣтелю, необыкновенную чувствительность и расчетливость къ своимъ матеріальнымъ выгодамъ, заносчивое самовосхваленіе и дерзкую самоувѣренность въ области русской исторической науки, самоувѣренность совратившая такъ много свѣтлыхъ умовъ съ настоящаго пути и принудившая Ломоносова замѣтить крайне ядовито: «изъ сего заключить можно какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродить въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина!» [85]).

Собственно, настоящая, безъ примѣси, «германолатрія» началась съ легкой руки Павла I, когда прусскіе вахтъ-парады приняли значеніе важнаго государственнаго акта; когда Суворовъ удаленный сначала за критику прусскихъ фрунтовыхъ идей, отправленъ позже на помощь нѣмцамъ; когда вызванъ былъ въ Петербургъ нѣмецъ, принцъ Евгеній, племянникъ императрицы и стало извѣстно нескрываемое болѣе желаніе императора «возвести его на такую высокую степень, которая приведетъ всѣхъ въ изумленіе». При Александрѣ I симптомы «германолатріи» приняли еще болѣе острыя, болѣе опасныя формы. Въ 1802 году былъ открытъ Дерптскій университетъ, центръ нѣмецкой цивилизаціи въ городѣ основанномъ Ярославомъ Мудрымъ, вблизи Пскова. «Это было по истинѣ геніальнымъ маневромъ петербургскихъ германофиловъ, и съ тѣхъ поръ успѣхъ онѣмечиванія прибалтійской окраины пошелъ гигантскими шагами впередъ». То чего не могли добиться ни бременскіе купцы, ни ливонскіе рыцари, стало легко и доступно, когда съ помощью университета и его нѣмецкой культуры, туземная не нѣмецкая масса начала живо обращаться въ нѣмцевъ [86]). Въ концѣ того же 1802 года, свиданіе Александра I съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III положило начало той дружбы славянскаго царя съ Гогенцоллерномъ, которая, въ глазахъ князя Чарторижскаго, послужила главнымъ препятствіемъ для возстановленія Польши, а въ глазахъ исто-

---

[85]) Соловьевъ, Исторія, книга 6-ая, стр. 241—248;—Собраніе сочиненій, стр. 1539 и слѣд.

[86]) Скальковскій, Современная Россія, Очерки нашей государствен. и обществен. жизни, Спб. 1891, томъ II, стр. 21.

рика стала роковымъ несчастіемъ для славянскаго міра вообще. Въ концѣ 1805 года, произошло торжественное закрѣпленіе этой роковой дружбы, когда императоръ русскій и король прусскій, въ присутствіе королевы Луизы, театрально пожали другъ другу руки надъ гробницей Фридриха II «великаго генія и плута». Черезъ годъ послѣ этой сцены, 2 октября 1806 г., при Іенѣ и Ауэрштедтѣ прусская армія была разбита на голову, генералы ея сдавали почти безъ выстрѣла сильнѣйшія крѣпости и Наполеонъ замѣтилъ, что «пруссаки еще глупѣе австрійцевъ». Прусское королевство почти совершенно уничтоженное держалось только на двухъ клочкахъ Силезіи и Восточной Пруссіи, и Польша была, быть можетъ, наканунѣ своего географическаго возрожденія. Но послѣ тяжелыхъ жертвъ и славныхъ подвиговъ Россія спасаетъ своего вѣковаго врага Гогенцоллерна въ Тильзитѣ. Наполеонъ вмѣсто Магдебурга поднесъ королевѣ Луизѣ розу необычайной красы, а затѣмъ, призвавъ прусскаго министра графа Гольца, объявилъ ему, что онъ рѣшилъ поставить границу Пруссіи на берегахъ Эльбы и не намѣренъ даже вступать въ переговоры съ королемъ, который всѣмъ обязанъ рыцарской привязанности къ нему императора Александра, что безъ русскаго царя Гогенцоллерны лишились бы престола и что при такихъ обстоятельствахъ король прусскій долженъ считать одолженіемъ со стороны Наполеона, если что либо оставится въ его власти. Въ четвертой статьѣ Тильзитскаго договора было сказано: «императоръ Наполеонъ изъ уваженія къ императору всероссійскому соглашается возвратить королю прусскому, союзнику его величества, всѣ тѣ завоеванныя страны, города и земли кои ниже сего означены»,—а затѣмъ слѣдуетъ перечень оставляемыхъ Наполеономъ областей съ пятью милліонами жителей [87]). Въ Тильзитѣ же Наполеонъ говорилъ Александру о необходимости въ интересахъ Россіи и Франціи, ослабить обѣ нѣмецкія

[87]) J. Scherr, Deutsche Kultur und Sittengeschichte, Leipzig 1858, p. 476, Thiers. Hist. du consulat et de l'empire, edit de Brux., 734; Богдановичъ, Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время, Спб. 1869, т. II, стр. 299—308; Михайловскій-Данилевскій, Описаніе второй войны съ Наполеономъ 1806—1807 г.г. Спб. 1846, стр. 391—94.

державы, Габсбургскую и Гогенцоллернскую [88]). Но это была тщетная попытка и личныя симпатіи превозмогли политическую необходимость.

До окончательной уплаты Франціи военной контрибуціи, Фридрихъ Вильгельмъ съ семействомъ своимъ жилъ въ частномъ домѣ, въ Мемелѣ, на самой границѣ и все столовое серебро было передѣлано на монету. Все семейство терпѣло крайнюю нужду; когда будущей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, тогда принцессѣ Шарлоттѣ, понадобилось сшить новое платье, король могъ удѣлить на это не болѣе пяти талеровъ, а воспитаніе наслѣднаго принца и принцессы превосходило средства ихъ и сама королева занималась съ дочерью. Въ воспоминаніяхъ графини Фоссъ, статсъ-дамы королевы, говорится, что Наполеонъ объявилъ королевскую чету буквально «внѣ закона» изгнавъ изъ Берлина и только одинъ русскій царь оказывалъ имъ вниманіе; королева Луиза говорила, что она возстанетъ изъ гроба если узнаетъ послѣ смерти, что кто либо изъ ея потомковъ могъ, когда либо забыть все, чѣмъ она и король обязаны Россіи. На совѣщаніи въ Эрфуртѣ Александръ былъ усерднымъ защитникомъ Пруссіи и его старанія открыли Фридриху Вильгельму путь въ Берлинъ, а Наполеонъ, желая угодить русскому царю, даже уменьшилъ на двадцать милліоновъ франковъ военную контрибуцію должную Франціи прусскимъ правительствомъ [89]).

Когда, послѣ эпопеи Двѣнадцатаго года, въ началѣ 1813 года русскія войска появились на западныхъ границахъ, многіе дальновидные государственные дѣятели Россіи совѣтовали заключить миръ съ Франціей и не довѣрять нѣмцамъ, вся исторія которыхъ полна разсѣянности въ вопросахъ благодарности и это тѣмъ болѣе, что въ томъ же 1812 году уже появились плоды признательности, когда прусскія войска вступили въ предѣлъ Россіи подъ знаменами Наполеона.

---

[88]) Статья Первольфа въ Narodni Pokrok 1868, № 117 и 119.

[89]) Богдановичъ, Ист. царствов. Александра I, т. II, стр. 385, 391—2; Correspondance de Napoleon. XVII. 556. № 14, 379; Русскій Инвалидъ за Августъ 1914 г.

Но Александръ, забывая великодушно эти факты, рѣшилъ начать войну во имя освобожденія Европы и на его призывъ сбросить съ себя цѣпи порабощенія и соединиться съ нимъ и Гогенцоллернъ и Габсбургъ отвѣтили не сразу, а согласно своей старой исторической репутаціи. Фридрихъ Вильгельмъ одновременно послалъ къ Наполеону предложеніе—выставить новый прусскій корпусъ для содѣйствія французамъ, а своему «сердечному другу» императору Александру предложеніе оборонительнаго и наступательнаго союза съ Пруссіей и просьбу, чтобы русскія войска продолжали безъ остановочно наступленіе за Вислу и Одеръ; Габсбургъ Францъ въ одно и то же время, посылалъ Наполеону увѣренія преданности сообщая ему втайнѣ, будто бы враги его предлагали Австріи Италію, Иллирію и господство въ Германіи, а императору Александру предлагалъ свою дружбу и посредничество [90]).

Таково было положеніе дѣлъ, сами нѣмцы колебались, но славяне впряглись въ нѣмецкое ярмо, чтобы вывести на своихъ плечахъ нѣмецкое благополучіе себѣ на горе и на шею. Безъ Россіи никто изъ нѣмцевъ не рѣшился бы на такой шагъ. «Несмотря на гибель великой арміи—говоритъ Шерръ—безъ Александра Европа не возстала бы противъ Наполеона; отважился ли бы на это Фридрихъ Вильгельмъ? Пожелали бы того двуличные Францъ и Меттернихъ? Пришло ли бы когда это въ голову князьямъ Рейнскаго Союза? Могли ль бы германскіе патріоты что либо сдѣлать? Нѣтъ и сто разъ нѣтъ! Безъ Александра не было бы войны 1813 года» [91]). Война была начата и руководима императоромъ всероссійскимъ во имя освобожденія нѣмцевъ и русская армія составляла почти треть всѣхъ союзныхъ войскъ. Въ

---

[90]) Garden Histoire des traités de paix XIV. 162—163; Mémoires tirés des papiers d' un homme d' état XII. 50. 59, 63—64, 86; Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Graf. v. Toll. Zw. Aufl. II, 401. Ср. Богдановичъ, Ист. Царств. Александра, т. IV, стр. 4—5, 11—13.

[91]) Joh. Scherr. Blücher. seine Zeit und sein Leben. III, 9—11. Ср. Богдановичъ, т. IV, стр. 3.

городѣ Калишѣ 25 марта 1813 года былъ заключенъ союзъ Россіи съ Пруссіей, а въ 1835 году даже воздвигнутъ въ честь этого событія на Замковой площади чугунный памятникъ и освященъ въ присутствіи русскихъ и прусскихъ войскъ. Наконецъ, согласно преданію, воспроизведенному на извѣстной картинѣ Матвѣева, Фридрихъ Вильгельмъ, будучи въ іюнѣ 1818 г. со своими сыновьями въ Москвѣ, при видѣ Кремля и погорѣлыхъ улицъ, сталъ на колѣни и со слезами сказалъ: «вотъ наша спасительница!»

Въ эпоху вѣнскаго конгресса 1815 г. былъ совершенно нечаянно открытъ новый цвѣтокъ австрійской благодарности Россіи, съ начала столѣтія уже второй, такъ какъ послѣ 1799 г. Габсбурги уже разъ благодарили и интриговали противъ занятія Россіей Катарро въ то самое время, когда русскія войска шли имъ на помощь послѣ постыдной—8 октября 1805 г.—капитуляціи генерала Мака. Наполеонъ, высадившись во Франціи по возвращеніи въ Парижъ, нашелъ въ бумагахъ благоразумно бѣжавшаго отъ него Людовика XVIII тайный договоръ Австріи направленный противъ Россіи и немедленно же отослалъ этотъ важный документъ въ Вѣну императору Александру [92]).

Послѣ вѣнскаго конгресса въ Берлинѣ занимались сложными, запутанными и безконечными обмѣнами прусскихъ земель на другія; территорія Гогенцоллерновъ немного и уменьшилась, но зато она получила, послѣ раздѣла, болѣе густо населенныя и болѣе богатыя земли; однако возстановленіе Бранденбурга сдѣлалось не только въ ущербъ Саксоніи но также въ ущербъ и прирейнскихъ князей; «нѣмцы же вообще добились блестящаго успѣха въ смыслѣ осѣдланія русскихъ—они привлекли единственное славянское государство къ защитѣ нѣмецкихъ интересовъ въ средней Европѣ» [93]).

Въ самой же Россіи въ эту эпоху происходило уже всеобщее, явное и единодушное поклоненіе нѣмцу, полное господство его надъ «русскими варварами» въ лицѣ безчисленныхъ нѣмецкихъ

---

[92]) Wolzogen, Memoiren, 279—280. Ср. Богдановичъ, Ист. Александра, Спб. 1871, т. V, стр. 52—53.

[93]) Герволфъ, т. II, стр. 419.

военачальниковъ, градоначальниковъ, ученыхъ, администраторовъ, общественныхъ, сельско-хозяйственныхъ дѣятелей и прочихъ тому подобныхъ же «властителей» Россіи, неимовѣрное благоденствіе которыхъ въ служебной карріерѣ заставило даже однажды Ермолова, взамѣнъ награды, проситься въ «нѣмцы». Фридрихова автоматическая военная система процвѣтала цѣликомъ вплоть до самаго конца крымской войны; нѣмецкія воззрѣнія русскаго бюрократа XVIII и XIX столѣтій на народъ, какъ на грубую массу, примѣнялись почти до конца вѣка; Россійская академія наукъ въ теченіе добраго столѣтія являлась нѣмецкимъ учрежденіемъ и источникомъ «кормленія» нѣмецкихъ ученыхъ; нѣмецкія фабрики, банки, страховыя общества, разныя коммерческія предпріятія, различные виды промышленности и проч. направленные къ эксплоатаціи Россіи процвѣтали до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, а многіе и до сего дня.

При Александрѣ I съ 1803 г. явились новыя толпы нѣмцевъ—колонистовъ и на несчастіе пріютившей ихъ Россіи разселялись, размножались и расползались по всѣмъ русскимъ мѣстамъ. Начало такой необычайной государственной мѣры положилъ манифестъ конца 1762 г., приглашавшій къ переселенію въ Россію преимущественно нѣмцевъ безъ всякой платы за земли, съ льготами, преимуществами, привиллегіями и т. д. Сотни всякаго сброда, а между ними и «честные» нѣмцы, появились на Волгѣ, большія лютеранскія общины поселились въ Саратовской губерніи, гернгутеры основали Сарепту, западно-прусскіе менониты осѣли въ Екатеринославской губерніи, близъ Азовскаго моря, а въ самомъ концѣ столѣтія появились въ Волынской, Бессарабской и Таврической губерніяхъ. Какъ извѣстно, появленіе нѣмецкихъ колонистовъ на русской юго-восточной окраинѣ повело даже къ столкновеніямъ съ старыми русскими жителями въ этой, считавшейся пустою, землѣ. Сенатъ 8 марта 1765 г. рѣшилъ даже, что государство «изъ за очень спорныхъ выгодъ искуственнаго увеличенія народонаселенія чужимъ элементомъ» намѣрено среди русскихъ колонистовъ «завоевавшихъ для государства земли у дикой природы» помѣстить иностранцевъ, давая имъ земли даромъ, тогда

какъ русскіе колонисты должны были платить въ казну по десяти копѣекъ съ десятины. Но, конечно, такое разсужденіе Сената ни къ чему не повело. Въ окраины нахлынуло такое множество нѣмцевъ, что «не доставало рабочихъ людей, лѣса и другихъ матеріаловъ для постройки домовъ»; предписано было «избѣгать вреднаго наряда съ уѣздовъ крестьянъ къ работамъ, дабы не произвести въ старыхъ жителяхъ крайнее негодованіе и ропотъ и не разорить цѣлыя села и деревни» [94]). Съ начала царствованія Александра нѣмецкое переселеніе продолжалось съ примѣрнымъ постоянствомъ. Изъ западной Пруссіи явились менониты въ Екатеринославскую губернію, по обѣимъ берегамъ Днѣпра и заселили 44 деревни съ земельной площадью почти въ 30 квадратныхъ миль, а другіе менониты въ 1804 году основали многочисленныя колоніи на сѣверо-западѣ отъ Азовскаго моря; затѣмъ повалили толпы нѣмцевъ изъ Германіи въ Одессу и Крымъ; съ 1808 г. нѣмцы стали разселяться въ Петербургской губерніи, послѣ 1812 г. въ Бессарабіи, и на Кавказѣ, въ 1817 г. въ Херсонской губ., въ 1819 г. новые менониты явились въ Таврической губерніи, въ 1821 г. швабскіе піетисты основали цѣлый рядъ деревень въ Бессарабіи; въ 1830 г. пришли въ Бессарабію-же новые виртембергскіе сектанты, съ 1835 г. другія толпы менонитовъ хлынули въ Екатеринославскую губернію и такъ до самой крымской войны—и на Кавказѣ и на Волгѣ и въ Крыму и въ Херсонской губ. [95]).

Такая германолатрія была логическимъ слѣдствіемъ сердечныхъ узъ связывающихъ Россію съ Гогенцоллернами и доброжелательства къ державѣ Габсбурговъ, что и выражалось фактически въ политикѣ, а вскорѣ представился русскимъ и новый случай послужить нѣмцу и это именно въ то время, когда Австрія подъ натискомъ мадьяръ должна была распасться на свои многочисленныя сотавныя части. Венгрія уже давно домогавшаяся политической самостоятельности, добилась признанія своихъ правъ и въ 1847 г. провозгласивъ исключительныя политическія и административныя права мадьярскаго языка

---

[94]) Соловьевъ, книга 6-я, стр. 122—24, 304—6.

[95]) Гельмольта. Исторія человѣчества, т. IX, стр. 255—57 и 272—73.

стала вводить его насильно по всему славянскому югу. Какъ только въ Пештѣ была провозглашена политическая свобода, сербохорваты поспѣшили также провозгласить и свои права, какъ тріединаго королевства Хорваціи, Славоніи и Далмаціи; хорватъ Елачичъ и сербъ Шупликацъ избранные въ предводители были произведены императоромъ въ генералы, началась рѣзня между венграми и славянами, венгерскій парламентъ объявилъ Габсбурговъ навѣки низложенными, а хорватъ Елачичъ, какъ второй Собѣсскій, спасъ вмѣстѣ съ чехомъ Виндишгрецомъ Вѣну и Габсбурга отъ внутренней революціи и отъ венгровъ. Тогда австрійское правительство переѣхавшее въ то время въ Ольмюцъ «казалось благосклонно къ стремленіямъ славянской партіи; хорваты и Елачичъ во всѣхъ правительственныхъ актахъ назывались «опорою престола»; чешскіе депутаты на сеймѣ считались защитниками правительства въ парламентѣ, и на всѣхъ вообще славянъ смотрѣли какъ на бойцовъ, съ помощью которыхъ Австрія лишь можетъ удержаться [96]). Но при вступленіи Франца Іосифа на престолъ началась реакція противъ славянскаго вліянія, венгры стали вырѣзать населеніе въ Трансильваніи, Банатѣ и Сербскомъ воеводствѣ. Тогда, по просьбѣ Австріи, вошли русскіе, возстаніе было подавлено, а сербо-хорваты и мадьяры были обезоружены и недавніе враги увидѣли, что они служили только нѣмцу и, какъ выражается Гильфердингъ. «съ безстыдствомъ, которому трудно найти примѣръ въ исторіи,» Австрія отблагодарила славянъ за ихъ помощь, пожаловавши имъ въ награду за преданность тѣ же милости что и мадьярамъ за мятежъ, нѣмецъ же послѣ 1849 г. явился землевладѣльцемъ, чиновникомъ, торговцемъ, колонистомъ и ремесленникомъ [97]). Наконецъ, въ 1867 г. Австро-Венгерская монархія раздѣлилась на два самостоятельныхъ государства, и это раздѣленіе нарушило права Хорватскаго королевства, права подтвержденныя еще прагматической санкціей и договоромъ 1712 г. какъ государства союзнаго но не подчиненнаго

[96]) Н. Поповъ. Россія и Сербія, Москва, 1869, т. II, стр. 286.

[97]) Скальковскій, Внѣшн. политика Россіи, стр. 73.

Венгріи; между тѣмъ въ 1867 г. благодарный Габсбургъ отдалъ Хорватію и Славонію мадьярамъ и только автономная Далмація вошла въ составъ Австріи а въ статьѣ 65 венгерско-хорватскаго договора 1868 г. даже приведенъ своеобразный пунктъ, по которому обѣщалась поддержка мадьяръ Хорватіи въ ея стремленіи вернуть обратно Далмацію [98]).

Немного ранѣе этихъ событій, въ эпоху крымской кампаніи появились уже и плоды русскихъ ревностныхъ услугъ. Австрія, не забывающая ни при какихъ обстоятельствахъ славныя свои традиціи, продолжала «удивлять свѣтъ неблагодарностью», какъ замѣтилъ австрійскій министръ графъ Буоль-Шауэнштейнъ: поведеніе Габсбурга въ крымскую войну стоило Россіи трети Бессарабіи.

Впрочемъ припадки благодарности стали мало по малу проникать и въ «родственную, дружественную» Пруссію, выражаясь въ историко-литературной формѣ, совершенно въ духѣ той, которою другіе нѣмцы—не пруссаки—угощали ошеломленнаго читателя, какъ напримѣръ Арндтъ въ 1812 и 1813 г.г. льстившій и умоляющій Россію о помощи, черезъ 30 лѣтъ уже совѣтующій прогнать русскихъ варваровъ на востокъ по далѣе и тамъ свернуть имъ шею, или австрійскій публицистъ Шузелька доказывающій, что собственно не русскіе освободили нѣмцевъ, а совершенно наоборотъ—нѣмцы русскихъ [99]). Въ Берлинѣ-же передъ самой крымской войной вышло много брошюръ требующихъ отъ Пруссіи выступить вмѣстѣ съ Турціей противъ Россіи, а позже уже появлялись брошюры доказывающія крайнюю необходимость для Пруссіи «осадить и урѣзать» Россію и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, писались проэкты о присоединеніи къ Пруссіи Польши по Вислѣ, Ковенской и Виленской губерній, Остзейскихъ провинцій и. т. д. [100]).

---

[98]) **Погодинъ, Славянскій міръ**, стр. 282—89.

[99]) E M. Arndt, Versuch in vegleichenden Völkergeschichte, 1844; «Reform» 1862; **В. Ламанскій, Объ историч. изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ, Спб., 1871, стр. 178; Л. Штуръ, Славянство и міръ будущаго, 2-е изд., Спб., 1909, стр. 80.**

[100]) Wie muss Preussen sich zu der orientalischen Frage stellen? 1854; Preussen und Russland, 1854; Kann Preussen

Даже при самомъ берлинскомъ дворѣ въ то время существовала сильная воинственная руссофобская партія и Пруссія, не принимая участія въ крымской войнѣ, вступила съ Австріей въ оборонительно-наступательный союзъ «на случай если бы русскіе перешли черезъ Балканы».

Съ этой-же эпохи появляется и вѣщій Бисмаркъ, а съ нимъ и «милитаризмъ», плодъ средне-европейской современной культуры. Когда-то Гогенцоллерны хотя и горячіе поклонники насилія, всетаки изрѣдка какъ будто нѣсколько и краснѣли ,напримѣръ, такъ называемый «великій» курфюрстъ стыдливо виляющій и направо и налѣво; какъ будто немного старались и оправдаться, напримѣръ, «плутъ» Фридрихъ II оставившій на удивленіе потомству свои «правдивыя» мемуары и Вольтеровы лукавыя письма. Но съ появленіемъ «великаго канцлера» вся излишняя сентиментальность отбрасывается какъ старая ветошь и открыто, во всеуслышаніе объявляется, что въ международныхъ сношеніяхъ современныхъ цивилизованныхъ странъ единственное право—грабежъ и кулакъ, единственная справедливость—презрѣніе къ договорамъ и кулакъ, единственно разумное и полезное—какая-бы то ни была подлость дозволенная во имя цѣли и кулакъ. Итакъ, берегите зубы и кошелекъ, культурные современные народы! Горе слабому! Смерть маленькому!—таковъ былъ лозунгъ произнесенный въ Берлинѣ въ половинѣ XIX столѣтія въ полное глумленіе и къ позору остальной, болѣе цивилизованной, части человѣчества, которая, въ лицѣ своихъ представителей, нисколько не препятствовала дальнѣйшему развитію этого преступленія.

Чтобы понять, хотя отчасти, причины такого удачнаго и быстраго воспріятія берлинцами Бисмарковскаго принципа, нужно сначала вспомнить условія политическаго развитія того населенія, которое осѣвъ на чужой территоріи и присвоивъ себѣ чужое, исчезнувшаго литовскаго племени, имя называется

---

fernerhin neutral bleiben, 1854; Die Politik der Zukuntt vom preussichen Standpunkte, Berlin, 1858; Frantz Die Wiederherstellung Deutschlands. Berlin, 1865, и т. д. См. Ламанскій, Греко-славян. міръ, стр. 102—103, 112.

въ настоящее время королевствомъ Прусскимъ; нужно далѣе вспомнить исторію возникновенія и развитія швабскаго рода Гогенцоллерновъ, неразлучныя съ этимъ родомъ традиціи кулака и грабежа, появленіе «святого пророка» Лютера значительно облегчившаго совѣсть «благороднаго нѣмецкаго племени хваленаго во всѣхъ исторіяхъ» въ ихъ взаимномъ культѣ земныхъ благъ и высокаго самообольщенія; нужно, наконецъ, имѣть въ виду философовъ, ученыхъ, писателей XIX вѣка добросовѣстно составлявшихъ для нѣмцевъ чинъ поклоненія прусскому кулаку. Подобно «святому пророку», Фихте [101]) объявилъ обитателей «благороднѣйшей части земного шара средины или «сердца» Европы» т. е. нѣмцевъ «лучшей благороднѣйшей частью человѣчества»: это народъ избранный имѣющій миссію какъ и евреи Библіи; затѣмъ прусская школьная полиція возвела Гегеля въ санъ философскаго Мессію: метафизика его дала философскую базу для теоріи «нѣмецкаго» первенства и главенства надъ всѣми а гегеліансво вообще помогло Гогенцоллернамъ «опруссачить» нѣмцевъ;наконецъ Геффтеръ «въ напыщенномъ и съ патетическими-археологическими пожеланіями» посвятилъ свою книгу [102]) нѣмцу чтобы она служила ему «зеркаломъ его славы», въ которомъ нѣмецъ долженъ познать что сдѣлали въ прошедшія времена его предки «силою своей десницы и превосходствомъ своей живости»; «зеркаломъ его права», по которому нѣмецъ «господствуетъ надъ довольно значительною частью первоначально славянскихъ земель и ихъ славянскихъ жителей»; «зеркаломъ его будущаго» дабы нѣмецъ «узналъ отсюда, какъ онъ вообще долженъ поступать съ своими противниками для побѣды надъ ними» и. т. д. [103]).

Такія воззрѣнія подготовили почву. Самъ Ранке извѣстный своимъ, рѣдкимъ для нѣмца, безпристрастіемъ въ исторіи, когда дѣло дошло до Берлина не могъ устоять отъ умиленія и

---

[101]) Reden an die deutsche Nation, edit. 1808.

[102]) Heffter, Der Weltkampf der Deutschen und Slaven seit dem Ende des fünften Jahrhunderte, nach seinem Ursprunge, Verlaufe und nach seinem Folgen dargestellt. Hamburg und Gotha, 1847.

[103]) **Ламанскій, Греко-славянск. міръ, стр. 77—78, 144, 224—228.**

провозгласилъ въ своихъ запискахъ, что сила и кулакъ—это все и что прусская армія,—это высшее выраженіе роскоши и могущества. Дройзенъ въ Исторіи прусской политики апологъ Гогенцоллерновъ, а Штраусъ уже настоящій агіографъ этого прославленнаго своими дѣйствіями рода [104]).

Бисмаркъ явившись въ такое благопріятное время со своимъ развязнымъ міровоззрѣніемъ, своимъ отсутствіемъ нравственныхъ качествъ, своимъ совершеннымъ неумѣніемъ, подобно и Гогенцоллернамъ, возвыситься надъ прусскимъ ограниченнымъ партикуляризмомъ, увлекъ и тѣхъ немногихъ писателей, которые еще втихомолку краснѣли и колебались порвать сразу со стыдомъ и честью и провозгласить на всю Европу догматы первобытнаго человѣчества. Вдохновившись этикой канцлера, Момзенъ прославляетъ силу даже и въ томъ случаѣ, когда она употреблена противъ права, совѣтуетъ австрійцамъ не стѣсняться со славянами—чехами, ибо «чешская башка достойна только для ударовъ»; другой историкъ Трейчке, потомокъ этихъ же чеховъ —къ стыду всего славянства не пошедшій по стопамъ своихъ доблестныхъ предковъ, а избравшій болѣе выгодный путь поклоненія нѣмцамъ и какъ ренегатъ, ненавидящій своихъ братій—Трейчке является самымъ свирѣпымъ проповѣдникомъ прусскаго кулака: государство это сила,—которой все позволено—убивай маленькихъ! рѣжь беззащитныхъ! кулакъ превыше всего—и философіи, и нравтсвенности, и стыда! кулакъ все создаетъ! нечего безпокоиться о чистотѣ средствъ, чтобы достигнуть цѣли! это все не серьезное, потому что одна истина въ кулакѣ, грабежѣ и насиліи! смерть маленькихъ государствамъ! да здравствуютъ Гогенцоллерны, кулакъ и сила! [105]).

Историкъ Виртъ еще довольно кротко учитъ «укрѣплять волю къ насилію», но за то историкъ Белохъ, откинувъ уже всякій стыдъ, прямо приглашаетъ «для успѣха въ борьбѣ за могущест-

---

[104]) Проф. Бузескулъ, Современ. Германія и нѣмецк. историч. наука XIX столѣтія, Петроградъ, 1915, стр. 12—14, 31—32, 45—46.

[105]) Neue Freie Presse 1897, 31 oktob.; Treitschke, Politik Leipzig, 1899, I, pp. 34, 42, 89 и т. д.

во отбросить нравственныя сомнѣнія»[106]); Несторъ нѣмецкой публицистики Моль рекомендуетъ для блага Пруссіи «насиліе», и «штыкъ» [107]); даже сами нѣмецкіе соціалисты рукоплескали франко-прусской войнѣ и прусскому кулаку по отношенію къ французской республикѣ; самъ Бебель въ 1872 г. заявилъ въ рейхстагѣ, что военное вѣдомство можетъ вполнѣ расчитывать на соціалистовъ [108]).

Такимъ образомъ Бисмаркъ выступилъ на политическую арену при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, при подготовленной и обработанной почвѣ для произращенія пышныхъ цвѣтовъ подобной тактики. Въ мемуарахъ записанныхъ съ его словъ Лотаремъ Бухеромъ [109]), сохранились пристрастныя, но цѣнныя указанія. Онъ пользовался трусливостью Австріи, недальновидностью Франціи, довѣрчивостью Россіи, равнодушіемъ Англіи, и дѣйствовалъ совершенно по теоріи Моля—ссорилъ, интриговалъ, сплетничалъ, запугивалъ, взывалъ къ штыкамъ и. т. д. [110]). Свои таланты онъ показалъ впервые на датскомъ дебютѣ. Послѣ смерти короля датскаго Фридриха VII въ дѣла Шлезвига вмѣшалась Пруссія и не смотря на то, что Берлинъ самъ подтвердилъ права Даніи на Шлезвигъ, въ 1864 г. и Австрія и Пруссія объявили войну Даніи при полномъ равнодушіи бездѣйствующей Европы; только одинъ король шведскій Карлъ XV предложилъ объединить скандинавскія государства въ союзъ, что было, впрочемъ, отклонено Христіаномъ IX. Маленькая Данія, разбитая въ неравномъ бою, принуждена была уступить Голштинію, Лауенбургъ и Шлезвигъ, даже съ частями безусловно датскими. Этимъ насиліемъ нарушался Лондонскій договоръ 1852 г. обезпечивавшій Даніи цѣлость ея территоріи всѣми великими державами, но наиболѣе заинтересованныя въ вопросѣ Англія и Россія не сдѣлали

[106]) Проф. Бузескулъ, стр. 35—36, 48—53, 59.

[107]) Robert Mohl, Das deutsche Reichsstaatsrecht, Tübingen, 1873. См. Трачевскій, Германія, стр. 203—209.

[108]) Naudier, Le socialisme et la révolution sociale, Paris, 1894, p. 169, 188.

[109]) Bismarck, Gedanken und Erinnerungen, Stuttgart, 1898.

[110]) Трачевскій, стр. 215—219.

ни одного шага въ пользу ограбленныхъ датчанъ—Англія ссылаясь на то, что Киль гавань балтійская и вопросъ этотъ касается русскихъ, а Россія вслѣдствіе какого то пагубнаго ослѣпленія [111]); между тѣмъ, когда былъ сооруженъ Кильскій каналъ соединившій Нѣмецкое и Балтійское моря, все значеніе англо—русской ошибки стало очевидно.

Съ ограбленіемъ Даніи чрезвычайно обострился вопросъ —въ какое отношеніе должны стать Шлезвигъ и Голштинія къ грабителямъ. Тогда состоялась Гаштейнская конвенція (августъ 1865 г.) по которой Шлезвигъ переданъ въ управленіе Берлина, Голштинія—Вѣны, герцогство же Лауенбургское было продано Австріей пруссакамъ за $2^1/_2$ милліоновъ рейхсталеровъ. «Это былъ вполнѣ рабовладѣльческій способъ рѣшенія политическихъ вопросовъ».

Король прусскій Вильгельмъ, который ранѣе, до 1864 г. еще противился Бисмарку гнетомый микроскопической дозой совѣсти, послѣ 1865 г. не только освоился съ привычками своихъ благородныхъ предковъ, но и вошелъ во вкусъ: по выраженію Бисмарка «территоріальныя приращенія 1864 г. развили аппетиты у Вильгельма къ всякимъ присоединеніямъ»,—и онъ уже разѣвалъ «ненасытную нѣмецкую пасть» на Ганноверъ, Гессенъ и другія владѣнія. Въ Шлезвигѣ былъ посаженъ пруссакъ, но оставалась Голштинія, гдѣ сидѣлъ австріецъ, и которую еще гораздо ранѣе до войны Бисмаркъ уже предлагалъ присоединить къ Пруссіи ради только того, «что каждый Гогенцоллернъ что либо, да пріобрѣталъ». Оставалась Голштинія и этотъ фактъ доставлялъ канцлеру великое огорченіе и безсонныя ночи. Мѣшала всему Австрія, и Берлинъ, благоразумно заключивъ предварительный союзъ съ Италіей, незамѣтно направилъ свои войска къ Вѣнѣ, въ то самое время, когда Гогенцоллернъ велъ дружескую переписку съ Габсбургомъ. При Садовой австрійцы понесли имъ обычное пораженіе, по Пражскому миру (августъ 1866 г.) Пруссія присоединила себѣ Голштинію, Ганноверъ, Гессенъ—Кассель, Нассау, Франкфуртъ а короли, курфюрсты и князья выгнаны изъ своихъ резиденцій.

---

[111]) Скальковскій, Внѣшн. политика Россіи, стр. 148—151.

Между прочимъ одна изъ статей Пражскаго трактата заключала обѣщаніе Пруссіи спросить датское населеніе сѣвернаго Шлезвига кому оно желаетъ принадлежать и если путемъ свободнаго голосованія населеніе пожелаетъ присоединиться къ Даніи, то эти округа должны быть уступлены датчанамъ. Но было весьма наивнымъ вѣрить въ порядочность «благороднѣйшей части человѣчества» населяющей «благороднѣйшую часть міра»; эта статья, конечно, не была выполнена и до сего дня, потому что Берлинскій дворъ и не помышлялъ когда либо собирать голоса датчанъ Шлезвига, и оно вполнѣ понятно: «что взято—то свято». Все дѣло это является интереснымъ историко психологическимъ моментомъ: два нѣмца, старые враги, Гогенцоллернъ и Габсбургъ, соединились вмѣстѣ,чтобы ограбить маленькую страну, а когда они не сошлись въ дѣлежѣ, то одинъ грабитель поколотилъ другого, отнявъ у него и добычу.

Черезъ четыре года возникла франко прусская война изъ-за кандидатуры на испанскій престолъ нѣмца Гогенцоллерна, война ставшая роковой для Франціи, но облегчившая другому Гогенцоллерну задачу «что либо пріобрѣсть» еще изъ чужой собственности . Россія поддержала Берлинъ выставивъ войска на границы, пруссаки и послѣ паденія имперіи всетаки продолжали воевать съ республикой а Европа присутствовала довольно пассивно при разгромѣ Франціи; только въ 1875 г., когда Пруссія и Франція были снова наканунѣ войны, Россія помѣшала нѣмцамъ доконать окончательно французовъ. Въ письмѣ Вильгельма императору Александру II переданномъ въ августѣ 1876 г. государю въ Варшавѣ фельдмаршаломъ Мантейфелемъ, прусскій король выражалъ насколько онъ признателенъ за услуги оказанныя ему Россіею въ 1864—1871 г., что Германія ихъ никогда не забудетъ и что Россія можетъ на нее расчитывать [112]). Такія увѣренія сдѣланныя Гогенцоллерномъ, конечно, не могли быть серьезны и Пруссія всегда обладала въ значительной степени тѣмъ, что принято называть «пуническою совѣстью».

---

[112]) Гиряиновъ, Босфоръ и Дарданеллы, Спб., 1907, стр. 292.

Несмотря на то, что Россія своимъ нейтралитетомъ дала Берлину Шлезвигъ-Голштинію, Ганноверъ и Эльзасъ-Лотарингію, но въ политикѣ, какъ и въ жизни, «труднѣе всего переносятся благодѣянія» и «нѣмецкія цвѣты благодарности» стали постепенно приносить русскимъ плоды. Послѣ освободительной изъ-за Болгаріи, войны Россіи съ Турціей Пруссія постаралась поставить Россію на Берлинскомъ конгрессѣ—лѣтомъ 1878 г.—въ положеніе затруднительное и несоотвѣтствующее ея достоинству; Австрія же вторично принесла свою благодарность Россіи и, съ согласія конгресса, заняла Боснію и Герцеговину въ качествѣ оккупаціонной провинціи; Сербія вмѣсто Босніи получила юго-восточные округа нарочно, чтобы раздуть старую сербо-болгарскую вражду; такимъ образомъ среди юго-восточныхъ славянъ устанавливалось нѣмецкое вліяніе и предупреждалась въ будущемъ возможность сліянія сербовъ съ ихъ единоплеменниками Босніи и Герцеговины [113]). Въ своихъ двухъ извѣстныхъ рѣчахъ—въ Петербургѣ во время обѣда въ годовщину взятія Геокъ-Тепе и въ февралѣ 1882 г. въ Парижѣ—Скобелевъ касаясь такого образа дѣйствій Габсбурга, замѣтилъ, что Европа присутствуетъ при удивительной эрѣ торжества кулака превознесеннаго выше права и въ исторіи до сихъ поръ еще не встрѣчалось примѣра такого оффиціальнаго признанія беззаконія. Въ своей парижской рѣчи знаменитый генералъ подвергалъ строгой критикѣ Берлинскій конгрессъ, предостерегалъ Австрію отъ мадьяризаціи, германизаціи и окатоличенія славянъ: «Россія не освободила ихъ отъ ига турецкаго, чтобы подчинить ихъ игу нѣмецкому; славянъ много въ Австріи и они не поднимутъ рукъ на братьевъ своихъ, когда Россія встанетъ на ихъ защиту и освобожденіе; Россія не ослабѣла отъ войны, славяне должны побѣдить и основать на правахъ родства и свободы славянскую федерацію; Россія—это единственная въ Европѣ страна, которая старается не для себя, а во имя высокаго идеала, не побуждаемая корыстью, а благороднымъ чувствомъ» [114]).

---

[113]) Скальковскій, стр. 285—86.

[114]) См. книгу О. А. Новиковой, рожд. Кирѣевой—O. K., Skobeleff and the Slavonic Cause. London 1883, p.p. 259—261, 270 - 274.

За это время Бисмарку удалось создать тройственный союзъ, «истинное олицетвореніе лжи—этотъ вооруженный миръ, который заставилъ Европу задыхаться подъ бременемъ непосильныхъ вооруженій, взаимнаго недовѣрія и озлобленія. Затѣмъ Бисмаркъ формально надулъ—въ чемъ самъ и хвалился—этотъ союзъ, устроивъ «перетасовку» за его спиной—союзъ съ Россіей» [115]). И такъ безъ перемѣны: кулакъ, обманъ, насиліе, издѣвательство надъ правомъ, совѣстью и честью,—безъ перемѣны и безъ конца. Несчастная Кліо, опечаленная подобными хроническими неизлѣчимыми припадками «благороднѣйшей части Европы», пыталась, хотя на короткое мгновеніе и въ видѣ совершеннаго исключенія, показать, что и въ дурномъ обществѣ иногда бываетъ хорошее. Послѣ смерти Вильгельма сынъ его Фридрихъ III, казалось, готовъ былъ водворить въ Берлинѣ эру цивилизаціи и нравственной культуры, но это былъ, къ сожалѣнію, неудачный опытъ: такія бредни были настолько несвойственны Гогенцоллернамъ, что атмосфера сѣдыхъ традицій задушила несчастнаго выродка, и онъ умеръ оставивъ сына своего Вильгельма II, а этотъ явился не только усерднымъ продолжателемъ традицій, но даже самъ, съ момента появленія, сталъ готовиться къ постановкѣ своего собственнаго бенефиса уже совершенно въ дикомъ видѣ.

XIX столѣтіе подходило къ концу и въ итогѣ его уже достаточно опредѣленно выяснились взаимныя славяно-нѣмецкія отношенія: всюду славяне дѣйствовали ради нѣмецкихъ интересовъ и способствовали всѣми силами благопріятному исходу политическихъ интригъ задуманныхъ ихъ врагами; всюду, въ знакъ признательности, встрѣчаетъ славянъ нѣмецкая ненависть или грубая явная или временно затаенная пока не завершится самая цѣль эксплоатаціи; даже нѣмецкіе соціалъ-демократы, которыхъ главный штабъ находится въ Берлинѣ, а главная работа есть одинъ изъ путей нѣмецкаго вліянія въ другихъ странахъ, нѣмецкіе соціалъ-демократы извѣстны своей враждой къ славянамъ и вражда эта явилась у нихъ

---

[115]) Трачевскій, стр. 215—219.

чѣмъ то въ родѣ традиціи [116]). При такихъ условіяхъ славяно-нѣмецкія отношенія къ концу столѣтія выразились въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ.

Австрія занявъ подъ предлогомъ оккупаціи Боснію и Герцеговину задалась цѣлью округлить для себя сербскую территорію и сдѣлала своего подручника Милана Сербскаго тараномъ для прокладки дороги къ Эгейскому морю, чтобы, отстранивъ Россію, самой стать хозяйкой Балканскаго полуострова; Галиція—самая отсталая въ Австріи славянская земля угнетенныхъ забитыхъ малороссовъ, на которыхъ политика Габсбурговъ опиралась только во время революціи 1848 г.; угро-руссы выдерживаютъ отъ мадьяръ нестерпимое гоненіе, но еще не утеряли совсѣмъ языка, вѣры и обычая; словаки—моравы самымъ жестокимъ способомъ мадъяризируются; сербохорваты почти всѣ на пути къ германизаціи точно также какъ и словинцы въ герцогствѣ Крайнѣ, съ XIV столѣтія вошедшіе въ составъ имперіи Габсбурговъ; совершенно день ото дня германизируются или исчезаютъ потомки полабскихъ славянъ--лужицкіе сербы въ Пруссіи и Саксоніи, и потомки когда-то знаменитыхъ поморскихъ славянъ—кашубы, еще уцѣлѣвшіе близъ Данцига, вдоль берега Балтійскаго моря. Въ Чехіи, гдѣ во время пятидесятыхъ годовъ было особенно распространено австрофильство, возникла, съ конституціи 1867 г. борьба партій между германизованной одной частью населенія и пробуждающимся національнымъ чувствомъ другой части. Въ Австріи и Пруссіи поляки вынуждены бороться съ «берлинской» политикой стремящейся къ ихъ уничтоженію; они втянуты въ сферу «берлинской» политики въ Австріи и въ борьбу съ «пруссофилами» русинами, а до самыхъ послѣднихъ лѣтъ столѣтія поляки и въ Россіи не могли добиться правъ вслѣдствіе господствующаго «берлинскаго» вліянія [117]).

Такимъ образомъ всѣ подвластные нѣмцамъ славяне, одни—лужицкіе венды, поморскіе кашубы, прусскіе мазуры, поляки—должны были поддерживать планы Гогенцоллерновъ,

---

[116]) Бузескулъ, стр. 43; Дмовскій, Германія, Россія и польск. вопр., Спб., 1909, стр. 172—174.

[117]) Дмовскій, стр. 177.

а другіе—чехи, моравы, словаки, поляки и карпатскіе русскіе, словинцы, кроаты и т. д.—планы Габсбурговъ и нельзя не повторить за Первольфомъ, что всѣ эти злополучные славяне Вашки, Войтки, Иваси, Іовы, какъ и на картинѣ Рѣпина «Бурлаки», тянутъ по нѣмецкой командѣ лямку и уныло поютъ пѣснь о «нѣмецкой» дубинушкѣ, не догадываясь сбросить съ себя позорное иго [118]).

Въ теченіе всего столѣтія Россія оставалась преимущественно подъ вліяніемъ Берлинскаго двора и Данилевскій называетъ это страннымъ историческимъ явленіемъ: въ то время какъ западные славяне и нѣмцы были всегда враждебны другъ другу, первые—угнетались, а вторые угнетали, историческая судьба заставляла восточныхъ славянъ и нѣмцевъ, т. е. Россію и Пруссію, содѣйствовать другъ другу въ достиженіи ихъ противоположныхъ цѣлей: Пруссія возросла подъ крыломъ Россіи [119]). И дѣйствительно, Пруссія дважды была возстановлена только благодаря милости къ ней русскихъ царей: когда прусскій король былъ наканунѣ совершеннаго разгрома, лишенія половины всей своей территоріи и своего вторичнаго превращенія въ «брандебургскаго курфюрста», Россія въ 1762 г великодушно возвращаетъ всѣ завоеванныя земли и спасаетъ Пруссію; когда Наполеонъ почти окончательно уничтожилъ Прусское королевство и предлагалъ Александру союзъ и раздѣлъ Европы, Россія вторично спасаетъ и возстановляетъ въ 1806 г. Пруссію, а затѣмъ въ 1813 г. освобождаетъ и всѣхъ нѣмцевъ вообще. Роль Россіи въ международныхъ сношеніяхъ была всегда благородная и безкорыстная и исторія подтверждаетъ это многочисленными фактами. По Кучукъ-Кайнарджійскому миру, Россія съ 1774 г, получила право покровительствовать христіанамъ на востокѣ и цѣлый рядъ войнъ ея съ Турціей въ XVIII и XIX столѣтіяхъ далъ въ результатѣ постепенное освобожденіе угнетенныхъ турками народовъ: молдованъ и валаховъ впослѣдствіи составившихъ Румынію, образованіе черногорскаго государства, автономія Сербіи, неза-

---

[118]) Первольфъ, т. II, стр. 417—418.

[119]) Данилевскій, Россія и Европа, Спб. 1888, стр. 498.

висимость Греціи, освобожденіе Болгаріи; въ Европѣ трудно найдти другое государство, которое съ такимъ же неизмѣннымъ постоянствомъ и безкорыстью преслѣдовала подобную гуманную цѣль.

Конецъ XIX вѣка завершился, со стороны славянскаго востока—такимъ же точно благороднымъ актомъ какъ и начало: Гаагская конференція разоруженія была впервые созвана въ 1899 г. по иниціативѣ русскаго славянскаго Государя. Конечно, можно сказать что такое предложеніе, быть можетъ, нѣсколько и преждевременно для «цивилизованнаго сердца» Европы; быть можетъ, даже нѣсколько и высоко для современной культуры, но фактъ благороднаго призыва въ Европѣ къ любви и миру остается фактомъ, и призывъ этотъ раздается впервые изъ Россіи, съ славянскаго востока, являясь логичнымъ и естественнымъ слѣдствіемъ того прирожденнаго нравственнаго свойства славянской расы, которое еще и ранѣе, въ древнѣйшія времена, отличало ее отъ нѣмецкой; никто не осмѣлится отрицать, что такое предложеніе составляетъ главную цѣль, достичь которую рано или поздно обязаны всѣ безъ исключенія государства; что это предложеніе является выдающимся историческимъ актомъ русскаго славянскаго Государя и вѣчно останется однимъ изъ самыхъ славныхъ моментовъ настоящаго царствованія.

Такъ всѣ державы и поняли и немедленно откликнулись, но «благороднѣйшая часть Европы»—Берлинъ, а за нимъ и Вѣна—изъискивали всевозможные способы, чтобы сорвать и осмѣять конгрессъ и пребывая неизмѣнно вѣрными традиціямъ полудикихъ, вполнѣ послѣдовательно завершили послѣдній годъ XIX столѣтія своимъ обычнымъ поклоненіемъ кулаку и насилію, а во время боксерскаго движенія въ Китаѣ, въ первый годъ XX вѣка, въ противовѣсъ славянскому призыву къ любви и миру, раздалось нѣмецкое дикое провозглашеніе Гогенцоллернскаго принципа.

Къ концу истекшаго столѣтія «вассальныя» отношенія Россіи къ нѣмцамъ пребывали почти безъ измѣненій; только послѣ Берлинскаго конгресса 1878 г. послѣдовало нѣкоторое охлажденіе, что вызвало цѣлую финансовую войну, которая

довела русскій рубль до полтинника; послѣ этаго возгорѣлась настоящая таможенная война причинившая Россіи большіе убытки и окончившаяся торговымъ договоромъ, который парализовалъ повышеніе пошлинъ; экономическая тарифно-таможенная политика въ связи съ выгодными сельско-хозяйственными условіями сдѣлали нѣмцевъ настоящими хозяевами положенія [120]). Не менѣе успѣшенъ былъ для нихъ и вопросъ о колонизаціи Россіи: сами русскіе по свойственной имъ привычкѣ—которая приписывается имъ, если не «настоящей» исторіей, то во всякомъ случаѣ «исторіей» Шлецера—сами русскіе покорно подносили швабамъ свои лучшія мѣста и свои богатства. Волна колонистовъ послѣ крымской войны немного утихнувшая, (какъ выше замѣчено), съ 1871 г. хлынула на Русь уже сплошной лавиной безпрепятственно заселяя лучшія мѣста въ ущербъ коренному населенію. Тогда въ 1887 г. былъ изданъ извѣстный охранительный законъ, воспрещающій иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтать въ собственность или срочное владѣніе земли въ юго-западномъ краѣ; другой законъ 14 марта 1892 г. запрещалъ всѣмъ иностраннымъ выходцамъ, хотя бы и принявшимъ русское подданство, не только пріобрѣтать въ собственность и арендовать земельныя имущества внѣ городскихъ поселеній Волынской губерніи, но и вообще селиться въ сельской мѣстности. Зато новый законъ 19 марта 1895 г. предоставлялъ право покупки земель въ Волынской губерніи состоящимъ въ русскомъ подданствѣ иностраннымъ поселенцамъ и лицамъ переселяющимся изъ Привилинскихъ губерній, которые водворились внѣ городскихъ поселеній Волыни до изданія этого закона; наконецъ законъ 1 мая 1905 г., упразднявшій прежній законъ 1 ноября 1886 г., открывалъ нѣмцамъ снова полную свободу скупать земли послѣдствіемъ чего было то, что колонисты не только осѣли крѣпко на Волыни, но перебрались и въ Кіевскую и въ Подольскую губерніи. Этотъ потокъ населяющій постепенно всѣ русскія окраины по заранѣе выработанному плану, эксплоатировалъ русскія богатства, вытѣснялъ русскаго крестьянина германизировалъ всѣ

---

[120]) Скальковскій. Внѣшн. полит. Россіи, стр. 46.

окрестности. подготовляя ихъ постепенно къ воспріятію нѣмецкаго полнаго владычества. Въ одной Херсонской губерніи въ настоящее время въ рукахъ нѣмцевъ находится около двухъ милліоновъ десятинъ, въ Екатеринославской почти шестьсотъ двадцать тысячъ, а въ Таврической милліонъ сто семьдесятъ тысячъ. Въ первое десятилѣтіе двадцатаго столѣтія было у нѣмцевъ-колонистовъ въ Бессарабской губерніи 80 деревень, въ Херсонской—124, въ -Екатеринославской—141, -въ -Таврической—322 и. т. д. [121]). Такіе земельные захваты давали нѣмцамъ громадную силу и поглащающій процентъ нѣмецкихъ голосовъ на выборахъ; земство, напримѣръ Херсонской губерніи, фактически находится въ нѣмецкихъ рукахъ, какъ и херсонскій банкъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ земельныхъ банковъ Россіи. Послѣ этого вполнѣ объясняется такое поразительное, фантастическое и только въ одной Россіи допустимое представительство въ Государственной Думѣ нѣмца—колониста отъ Донской казачьей области [122]). Такое же точно русское попустительство въ дѣлѣ народнаго образованія—когда вопросъ касается нѣмецкихъ школъ у колонистовъ—всякій разъ ставитъ попечителя напр. Одесскаго учебнаго округа постоянно между двухъ дилеммъ: «угодить своему русскому начальству и не идти въ разрѣзъ съ намѣреніями германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ».

Въ своей вѣковой борьбѣ со славянами, среди усердныхъ изысканій легчайшаго и скорѣйшаго способа порабощенія ихъ, нѣмцы пришли однажды, съ помощью философа Гартмана, къ заключенію, что для одолѣнія русскихъ прежде всего необходимо ослабить ихъ духъ, т. е. православіе, а потомъ завоевать путемъ колонизаціи и пропаганды; такъ какъ колонизація уже была правильно введена въ Россію еще съ конца XVIII вѣка, оставалось только открыть пропаганду и колонисты, въ полной гармоніи со своимъ берлинскимъ правительствомъ, стали усердно распространять спеціально «прус-

---

[121]) Шелухинъ, Нѣмецк. колонизація на югѣ Россіи; Гельмольдтъ, т. IX, стр. 273.

[122]) Справочникъ Государств. Думы за 1914 г., стр. 108. См. Труды XI съѣзда уполномоченныхъ дворянск. общ.. стр 166.

скія» секты штундобаптизма, которыя наравнѣ съ австрійскимъ ученіемъ «украинства» и «мазепинства» политично развиваютъ среди совращенныхъ любовь къ нѣмцамъ, ненависть ко всему русскому и даже совершенное отчужденіе отъ основъ русской жизни.

Постепенное и упорное вытѣсненіе нѣмцами русскаго крестьянина, захватъ земель въ нѣмецкія руки и одновременно преднамѣренное сѣяніе недовольства все болѣе и болѣе растущаго среди сельскаго населенія, все это шло такимъ же точно аллюромъ и по той же обычной «Гогенцоллернской» программѣ, которой Берлинскій дворъ придерживался уже съ XVII вѣка. Такъ напримѣръ нѣмецкое землевладѣніе въ Екатеринославской губ. росло въ ущербъ дворянскому и крестьянскому сословіямъ: колонисты тѣснили крестьянъ, устраняя ихъ отъ всякаго пользованія купленной у помѣщика землей; ни за какія деньги крестьяне не могутъ нанять у нѣмцевъ земли ни подъ пахоть, ни для выгоновъ тогда какъ то и другое было имъ доступно за недорогую плату при помѣщикѣ; появленіе въ сосѣдствѣ нѣмцевъ всегда встрѣчается крестьянами съ полнымъ отчаяніемъ; крестьянскія общества съ неполными надѣлами, охваченныя со всѣхъ сторонъ нѣмецкими землями, вынуждались къ переселенію въ сибирскую тайгу, а на ихъ мѣсто шли изъ Германіи новыя тысячи нѣмцевъ. Почти въ такомъ же положеніи находились и кубанскіе казаки оттѣсненные къ гористымъ мѣстамъ въ самыя непригодныя для земледѣлья мѣста, а лучшія земли заняли нѣмцы-меноніты не несущіе никакой повинности передъ пріютившемъ ихъ правительствомъ, оставшіеся такими же истыми нѣмцами, какъ и были 150 лѣтъ назадъ [123]).

Такимъ образомъ полное пренебреженіе къ Россіи, законамъ ея и правительству, презрѣніе ко всему русскому и совершенное нежеланіе войти въ какія либо сношенія съ народомъ въ теченіе всей долгой жизни колонистовъ въ Россіи,—вотъ каковы были плоды русскаго попустительства. Вполнѣ естественно, что нѣмцы смотрѣли на Россію какъ на самую добродушную, покорную и богатую колонію и въ ней

[123]) Труды XI съѣзда, стр. 121—22, 142.

уже два милліона колонистовъ, которыхъ—по Іенчу—предполагается даже увеличить до десяти милліоновъ съ тѣмъ, чтобы вывести «будущую германскую колонію въ Европѣ изъ состоянія варварства». Появились и несомнѣнныя доказательства этого систематически выработаннаго при берлинскимъ дворѣ проэкта и уже давно географически осуществляемаго съ помощью простодушной Россіи, гдѣ обучаются и подготовляются цѣлыя нѣмецкія полчища. Внѣдрясь въ совершенно имъ чуждую, и по языку и по національности, страну, нѣмецкіе колонисты почти уже окружили кольцомъ центральныя губерніи; оно начинается съ того Прибалтійскаго края, въ которомъ нѣмцы являются не кореннымъ, а пришлымъ, чуждымъ литовскому населенію, элементомъ, въ которомъ остзейскіе бароны пользуются изъ ряда выходящими средневѣковыми привиллегіями феодала, какихъ никогда не имѣли сами русскіе помѣщики крѣпостной эпохи; далѣе кольцо обхватываетъ Ковенскую губернію, Польшу, и Бессарабію, Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, Крымъ и Область Войска Донского, приволжскія губерніи и. т. д.

Детальное разсмотрѣніе спеціальныхъ картъ по губерніямъ, напримѣръ юго западного края приводитъ къ двумъ неопровержимымъ выводамъ весьма опаснаго характера.

Во первыхъ—стратегическое разселеніе нѣмецкихъ колонистовъ по заранѣе составленному военному плану: занятіе ими въ губерніи извѣстныхъ пунктовъ, переправъ, мостовъ, путей подхода съ запада нѣмецкихъ войскъ, систематическое окруженіе колоніями крѣпостей, расположеніе у шоссе военнаго вѣдомства, какъ напримѣръ у подхода къ Кіеву, разселеніе по берегу моря, какъ въ Херсонской губерніи или на высокихъ мѣстахъ, какъ вблизи Севастополя и т. д. Второй выводъ изъ всего этого—удивительное и преступное добродушіе администраціи допускающей подобныя явленія. [124]).

Въ заключеніе законъ изданный германскимъ правительствомъ лѣтомъ 1913 г. о двойномъ подданствѣ окончательно

---

[124]) Ренниковъ, О нѣмцахъ въ Россіи, стр. 42, 50, 56—66, 286, 350, 376; Резановъ, Нѣмецкое шпіонство, стр. 213, 215, 233, 245.

заставляетъ раскрыть глаза на всѣ нѣмецкіе происки, совершенно разъясняетъ ихъ цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ странное сродство съ извѣстнымъ еврейскимъ обыкновеніемъ допускающемъ еврею, оставаясь въ своей вѣрѣ, переходить фиктивно въ христіанство «если это нужно для славы Израиля и вящаго посрамленія гоевъ». Этотъ интересный законъ вышущенный въ дополненіе къ прусскому закону 1871 г. позволяетъ нѣмцу, оставаясь въ старомъ германскомъ подданствѣ, перейдти одновременно и въ подданство другого государства «ради практическихъ цѣлей полезныхъ германскому правительству», т. е. иными словами разрѣшается, въ силу этого закона, клятвопреступленіе, обманъ и измѣна [125]).

Таковы характерныя черты исторической дѣятельности берлинской политики до самаго начала XX столѣтія, политики неизмѣнно некрасивой, неизмѣнно циничной, неизмѣнно отталкивающей, которая и въ самый первый годъ столѣтія ознаменовалась—какъ выше было сказано—своей обычной исключительностью среди культурнаго міра. Во время боксерскаго движенія въ Китаѣ, лѣтомъ 1900 г., противъ европейцевъ, взятія Таку, убійства германскаго посла и осады въ Пекинѣ европейскихъ посольствъ, Гогенцоллернъ, отправляя «мстителемъ» фельдмаршала Вальдерзее, выразилъ пожеланіе, чтобы китайцы помнили его месть безконечное число лѣтъ и тогда же было опубликовано множество такъ называемыхъ «гунскихъ» писемъ нѣмецкихъ солдатъ съ описаніями ими совершенныхъ звѣрствъ. Вскорѣ послѣ этого началась окончательная подготовка нѣмцевъ къ войнѣ и для нея еще ранѣе, усердіемъ и интригами Берлина, сложились весьма благопріятныя «бранденбургскія» условія, какъ въ сѣверныхъ государствахъ, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Эти страны, конечно, не безъ согласія Россіи, были искусно отравлены гогенцоллернскимъ духомъ: нѣмецкій принцъ сдѣлался мужемъ голландской королевы, двоюродная сестра Гогенцоллерна стала шведской королевой, а родная сестра его королевой греческой, въ Румыніи сидѣлъ Карлъ Гогенцоллернъ 13 мая 1866 г. посаженный Бис-

---

[125]) Труды XI съѣзда, стр, 140; Резанъ въ, стр. 241—244.

маркомъ съ добродушного дозволенія Россія, а въ Болгаріи явился нѣмецъ Кобургъ замѣнившій нѣмца Баттенберга, который былъ также посаженъ германофильствующимъ Петербургомъ. Все складывалось какъ нельзя болѣе счастливо для Гогенцоллерновъ и идущихъ въ хвостѣ ихъ Габсбурговъ и карты этой «благороднѣйшей части человѣчества» раскрывались все болѣе и болѣе откровеннѣе. Во время второй мирной Гаагской конференціи 1907 г. произошло тоже что и при конференціи 1899 г: Берлинъ вторично съ такимъ же точно цинизмомъ препятствовалъ сближенію и соглашенію между державами по вопросу разоруженія. Вслѣдъ за этимъ открылась «семилѣтняя война вооруженій» съ 1907 г. по 1914 г., въ теченіи которой Англія, взявъ на себя защиту культуры европейской расы, тщетно пыталась склонить Пруссію къ взаимному ограниченію военныхъ вооруженій, которыя должны въ концѣ концовъ привести къ совершенному уничтоженію и исчезновенію цивилизаціи. Все было тщетно. Берлинъ въ 1911 г. провозгласилъ, что европейскія государства ежегодно употребляющія четыреста милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на подготовку одной стороны къ уничтоженію другой,—это явленіе вполнѣ нормальное и естественное для современной эпохи и для современныхъ христіанскихъ принциповъ, значительно исправленныхъ «святымъ пророкомъ» Лютеромъ, а затѣмъ дополненныхъ славнымъ родомъ брандебургскихъ курфюрстовъ [126]).

Исходя изъ этого принципа Габсбургъ, сначала перевоспитанный въ школѣ Бисмарка, а потомъ взятый подъ покровительство Гогенцоллерна, объявилъ въ 1908 г. аннексію оккупированныхъ имъ съ 1878 г. Босніи и Герцоговины, аннексію вызвавшую громадное и съ трудомъ сдерживаемое возбужденіе во всемъ славянскомъ мірѣ.

Исходя изъ того же принципа Пруссія не переставала глумиться надъ «миролюбіемъ» Европы, какъ напр. въ марокскомъ вопросѣ 1906 г. когда Гогенцоллернъ диктовалъ свою волю и издѣвался надъ слабостью европейской дипломатіи; въ самые же послѣдніе годы, Пруссія подарила Россіи весьма не-

---

[126]) J'accuse, par un allemand, Paris, 1915, p. 70—72.

двумысленныя доказательства своего настроенія и въ сферѣ даже историко-археологической, какъ напримѣръ на юбилейныхъ торжествахъ—6 октября 1913 г.—столѣтія «битвы народовъ» у Лейпцига, гдѣ спасенные нѣкогда императоромъ Александромъ I нѣмцы даже и не упомянули про участіе русскихъ войскъ въ ихъ освобожденіи. Наконецъ наступили и современныя событія, которыя разыгрываются и со стороны спасаемой не разъ славянами Австріи и со стороны благодарной русскимъ Пруссіи. Въ этихъ событіяхъ особенно поражаютъ историка и археолога имена отнынѣ исторически и навсегда связанныя съ нѣмецкой благодарностью: это *Калишъ*, гдѣ стоялъ памятникъ союза и дружбы Россіи со спасенной ею Пруссіей и гдѣ въ послѣдніе дни царилъ неописуемый прусскій терроръ; это *Францъ Іосифъ Австрійскій* въ началѣ царствованія спасенный русскимъ Царемъ Николаемъ I, а въ самомъ концѣ своей жизни поднявшій руку на русскаго Царя Николая II.

Но Россія выше всего этого. Россія освободившая нѣмцевъ въ 1813 г., грековъ въ 1827 г., болгаръ въ 1877 г. должна—съ помощью Всевышняго—придти къ благополучному окончанію своей исторической задачи; должно наступить окончательное торжество родныхъ ея братій славянъ на западѣ и одновременно должно совершиться еще болѣе благородное, еще болѣе святое дѣло: въ настоящее время на исторической сценѣ не одна борьба славянъ съ нѣмцами, а борьба культуры съ варварствомъ, борьба поборниковъ свѣта, добра и истины съ темными силами зла, коварства и невѣжества. Россія, Англія и Франція, когда то при Наваринѣ благородно соединившись освободили Грецію отъ четырехъ сотлѣтняго ига; объединенные и теперь во имя священнѣйшихъ правъ человѣчества Россія, Англія и Франція должны наконецъ спасти цивилизацію бѣлой расы отъ полудикихъ племенъ, представляющихъ самую серьозную опасность для культуры человѣчества,—и въ этомъ благородномъ единеніи славянской Руси съ просвѣщеннымъ и гуманнымъ Западомъ проявляются естественныя и прирожденныя нравственныя качества славянъ всегда, съ начала исторіи ихъ,—какъ выше было замѣчено—стоявшихъ на стражѣ великодушія и гуманности.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Прошелъ годъ какъ была прочтена, въ сокращеніи, вышеприведенная историческая замѣтка, но общее положеніе политическихъ отношеній осталось почти тоже; почти никакихъ измѣненій не произошло въ процессѣ примѣненія тѣхъ основныхъ и присущихъ каждой націи принциповъ, которые приняты въ руководство воюющими сторонами, и такимъ образомъ еще лишній разъ подтверждается все ранѣе сказанное. Это все тоже кощунственное осмѣяніе законовъ нравственности и человѣчности, все тѣже лишенные благородства низкіе пріемы нарушенія самыхъ элементарныхъ правилъ чести и порядочности, все тотъ же преступный милитаризмъ, злобно хохочущій въ глаза культурѣ, благосостоянію и экономической жизни народовъ; это все тѣ же темныя силы зла, въ соединеніи съ новыми балканскими элементами коварства, борющіеся противъ носителей свѣта и истины, поборниковъ добра, къ которымъ въ теченіи года примкнули еще и другія, наиболѣе благородныя націи. Ничто почти не измѣнилось; только раскрылась еще новая цѣлая система низкихъ цѣлей, во имя коихъ слѣдуютъ—или фактически, какъ нѣмецкіе союзники или мысленно, какъ «нейтральныя» страны—за колесницею ослѣпленнаго Гогенцоллерна катящейся къ роковому эпилогу.

Все это всецѣло вытекаетъ изъ исключительности не всей нѣмецкой, а спеціально «берлинской» политики—узкого самомнѣнія и смѣшного желанія завладѣть всѣмъ міромъ. Подобное явленіе вполнѣ логически объясняется тѣмъ самообольщеніемъ, тѣмъ самовосхваленіемъ, которыя составляютъ наиболѣе характерные признаки низшей націи, недостаточно развитой и вышедшей изъ ничтожества. Такія точно черты этнографія открываетъ у нѣкоторыхъ племенъ, какъ напримѣръ у сѣверо-мексиканскихъ краснокожихъ: выдержавшему устано-

вленныя испытанія для признанія его настоящимъ индѣйцемъ, внушается, чтобы онъ только себя и свое племя считалъ за людей, а всѣ остальныя племена за скотовъ. Такую же точно черту исторія находитъ и у евреевъ, въ лѣтописи которыхъ многочисленные примѣры необычайнаго самообольщенія и самовосхваленія, въ силу чего евреи только однихъ себя считаютъ за людей, остальное же человѣчество—это гои, скоты.

Оригинальность такихъ принциповъ привела къ бойнѣ съ преступной жестокостью и поражающимъ цинизмомъ примѣняющей въ борьбѣ противозаконныя «берлинскія» средства, привела къ бойнѣ спеціально долго подготовляемой и спеціально предпринятой Гогенцоллерномъ и Габсбургомъ [127]); привела къ неизгладимому позору объявленія Пруссіи «внѣ закона» [128]) и проч.

Въ этихъ отталкивающихъ фактахъ, въ этомъ отсутствіи даже элементарныхъ признаковъ человѣчности, чему нынѣ приходится быть свидѣтелями,—можно ли всетаки винить исключительно только одну нѣмецкую, или вѣрнѣе, «берлинскую» этику? Не будучи никогда страной великодушныхъ традицій, какъ другія государства, являясь скорѣе «политической комбинаціей подверженной видоизмѣненіямъ» [129]), Пруссія и не имѣла въ своемъ историческомъ прошломъ идеальнаго благороднаго проявленія народной индивидуальности, а только, воспріявъ лютеранское матеріалистическое ученіе, вращалась сначала въ тѣсной сферѣ мелкихъ политическихъ кражъ и подпольныхъ интригъ, а затѣмъ на широкомъ поприщѣ открытаго нахальства и крупныхъ территоріальныхъ грабежей. Можно ли винить одну Пруссію? Не Европа-ли виновна, что допустила у себя, въ центрѣ, развиться «политической комбинаціи» поработившей окончательно и умъ и сердце когда-то просвѣщенныхъ и культурныхъ нѣмцевъ; не понявшей, что еще недостаточно закрѣпостить страну Гете, Шиллера, Канта,

---

[127]) J'accuse, pp. 83, 123, 179.

[128]) Fr. Harrison The German Peril, London 1915, pp. 17—22, 237—42, 261—62; Pall Mall Gazette, 6 may 1915; The Times, September 1914.

[129]) Данилевскій, Россія и Европа, стр. 497.

а надо быть и на высотѣ подобной чести; что еще не достаточно существовать въ сердцѣ культурной Европы, а необходимо имѣть и дѣйствительно сердце христіанское и благородное? Не Европа ли виновата, что дозволила «политической комбинаціи» совершать съ 1864 г. систематическіе, заранѣе предумышленные захваты чужой собственности, позорить цивилизованный міръ своими неожиданностями, пагубными для нравственныхъ основъ общества?

Человѣку, не зараженному современными политическими ученіями ,непонятно какимъ образомъ извѣстныя правила и общедоступныя истины, въ обыкновенномъ общежитіи играющія роль главныхъ и основныхъ факторовъ нравственности, въ жизни государственной непримѣнимы и игнорируются. Международная политика—говоритъ Бисмаркъ—представляетъ собою жидкій элементъ, который въ зависимости отъ обстоятельствъ можетъ на время затвердѣть, но при перемѣнахъ въ атмосферѣ приходитъ въ свое первобытное состояніе. Въ современной политикѣ, какъ и въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ мѣста общепонятнымъ правиламъ этики, есть лишь искусство воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ и случаемъ, практическое соображеніе реальныхъ условій и рѣшительныхъ боевыхъ дѣйствій.

Таковы основы политической нравственности примѣняемыя Берлинскимъ дворомъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Если можно до нѣкоторой степени извинить Европу допустившую подобное, то извиненіе это можетъ заключаться только въ тѣхъ довольно неудачно сложившихся съ XVI вѣка міровоззрѣній, которыя завлекли Европу на ложный путь антихристіанской этики: реформація Лютера, разрушившая мистическія основы религіи, провозгласила языческій культъ земныхъ благъ и служеніе Молоху; ученіе Макіавелли, замѣнивъ средневѣковую, подчиненую религіи, дипломатію, разъ навсегда избавило европейскую политику отъ нравственности; наконецъ Вестфальскій миръ 1648 г. впервые санкціонировалъ воинственныя интриги государствъ и дѣлежъ добычи взятой не по праву, а силой. Эти факты возвели въ догматъ ложное ученіе, что земныя блага—все, что политика есть наука побѣждать и господствовать

либо силой, либо лукавствомъ, ученіе съ особенной энергіей разработанное и дополненное въ берлинскомъ послѣднемъ изданіи послѣ мирной конференціи 1899 г.

Тамъ гдѣ кончается нравственная политика—говоритъ Кантъ—начинается политическая нравственность, которая рекомендуетъ: ловить случай и нападать на сосѣда, объясненія же откладывать послѣ совершившагося преступнаго факта, отвѣтственность котораго возлагать на тогоже сосѣда и провозглашать всюду свою невинность [130]). Вотъ правила которыя были блестяще примѣнены и проведены современной политической и военной мудростью Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ и доказательства этого слишкомъ многочисленны, чтобы на нихъ останавливаться [131]).

Но въ вѣчныхъ непреложныхъ законахъ управляющихъ міромъ существуетъ и законъ возмездія, а въ сердцѣ человѣческомъ и въ сознаніи народномъ хранится, какъ въ святилищѣ, понятіе о различіи добра и зла. Въ лѣтописяхъ всемірной исторіи не было еще примѣра чтобы какое либо выдающееся преступное дѣйствіе отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ странъ рано или поздно не получало возмездія, потому что нельзя безнаказанно нарушать вѣчные и священные законы правосудія. Если жизнь государства слагается по законамъ развитія жизни человѣческой и если человѣческая дѣятельность оцѣнивается по благороднымъ, никогда не забываемымъ, поступкамъ, а не по низкимъ и темнымъ дѣламъ,—тяжелое возмездіе неминуемо должно постигнуть то государство, которое съ самаго начала бытія своего руководствуясь преступной этикой, прибѣгало къ дѣяніямъ навсегда опозорившимъ это государство. Если въ уголовномъ судопроизводствѣ предумышленное преступленіе подводится подъ разрядъ наиболѣе караемыхъ, то наибольшее возмездіе постигнетъ то государство, которое въ теченіи долгихъ вѣковъ, добивалось чужой собственности путемъ неслыханныхъ жестокостей, насилія и истребленія цѣлыхъ чуждыхъ національностей.

---

[130]) I. Kant Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf, Konigsberg 1795, s. 76—78.

[131]) J'accuse, pp. 265—288.

Возмездіе это еще не наступило, но оно приближается. Земля, на которой стоятъ Брандебургъ и восточная Пруссія—это земля крови еще не отомщенной; это земля замученныхъ, вырѣзанныхъ, истребленныхъ западныхъ славянскихъ и литовскихъ племенъ—бодричей, лютичей, велетовъ ,поляковъ, прусовъ. Ихъ тѣни еще витаютъ надъ нѣмецкими городами и медленно собирается правосудное возмездіе, которое разразится громовою катастрофою.

Всѣ данныя сводятся къ тому, что это возмездіе за великое преступленіе передъ законами справедливости должно совершиться вскорѣ, потому что Европа пожинающая плоды своего попустительства, наканунѣ гибели всѣхъ нравственныхъ принциповъ, паденія бѣлой расы и культуры ея; потому что возстали темныя силы увлекающія за собой европейскую цивилизаціи и что будущее принадлежитъ теперь уже Востоку.

Для счастія человѣчества—говоритъ Соловьевъ—матеріальныя стремленія должны быть сдерживаемы, а не поощряемы, и поставлены въ служебныя отношенія къ духовнымъ требованіямъ; въ исторіи мы видимъ осязательно истину изреченія: духъ есть иже живитъ, плоть ничтоже пользуетъ. Когда являются внѣшніе или внутренніе разрушители общественнаго строя и цивилизаціи; когда общество презритъ духовную жизнь, духовные интересы, духовныя силы, когда предастся чувственности и матеріальнымъ стремленіямъ, когда воздвигнетъ алтари Молоху и золотому тельцу—тогда и являются на историческую сцену вожди нечистыхъ силъ, чтобы завладѣть запродавшеюся имъ добычею [132]).

Европа наканунѣ гибели и будущее принадлежитъ теперь уже не ея Западу, а Востоку, другой могущественной просыпающейся расѣ—славянской, расѣ сильной, молодой, демократической, еще не объединившейся окончательно въ одно не разрывное цѣлое, еще только намѣревающейся сыграть въ исторіи человѣчества свою роль. Раса эта доказала всей своей исторіей гуманность, великодушіе, благородство и мягкость и ей суждено попрать все низкое, темное и злобное, все позорящее европейс-

---

[132]) Соловьевъ, Исторія, книга VI, стр. 245.

кую культуру. Даже западные историки, не славяне, задолго до современныхъ событій предъугадывали будущую миссію славянской Россіи. Датскій историкъ Гейнрихсенъ, въ половинѣ XIX столѣтія въ своей книгѣ [133]) уже писалъ: «всей нѣмецкой наглости будетъ современемъ положенъ конецъ: правда, противъ нѣмецкаго движенія въ Европѣ, особенно съ востока, еще недостаетъ силы и согласія, но если нѣмцы будутъ упорствовать въ своемъ презрѣніи къ другимъ народамъ, то когда время исполнится, нападетъ на нихъ славянскій колоссъ и всей остальной Европѣ откроются глаза» [134]). Ренанъ идетъ даже далѣе и въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Штраусу предсказываетъ, что будетъ нѣкогда день, когда славяне, какъ драконъ Апокалипсиса сметающій хвостомъ треть неба, повлекутъ за собой на западъ полчища центральной Азіи, колыбель Чингисхановъ и Тамерлановъ; будетъ нѣкогда день, когда на вѣсы мірового господства встанутъ всѣ славяне Европы и соединятся вокругъ московскаго Чингисхана! [135]).

Въ этихъ словахъ Ренанъ невольно предсказываетъ именно то, что должно было бы, строго говоря, случиться рано или поздно: Россія, будучи и европейскимъ и азіатскимъ государствомъ, должна въ тѣсномъ соединеніи съ Востокомъ выступить въ своей исторической будущей великой миссіи.

Заключеніемъ всего этаго да послужатъ нижеслѣдующія знаменательныя слова великаго словака, обращенныя ко всѣмъ славянамъ: «Мы должны же наконецъ сговориться и объединиться: будемъ только всегда дѣйствовать въ согласіи, поставивъ себѣ общую цѣль. Наши силы прибываютъ съ каждымъ днемъ, а силы враговъ нашихъ слабѣютъ и падаютъ. Если только смѣло примемся за дѣло, насъ ожидаетъ рѣшительная побѣда, а враговъ нашихъ рѣшительное пораженіе. Никакая сила въ мірѣ, никакія правительства уже болѣе не въ состояніи потоптать наши народности, носящія въ себѣ идеи будущаго.

---

[133]) Die Germanisten und die Wege d. Geschichte, Kopenhagen 1848.

[134]) Штуръ, Славянство и міръ будущаго, стр. 76.

[135]) E. Renan, La Réforme intellectuelle et morale, Paris, Calm Lévy, p. 125, 199—202.

Счастье и несчастье будутъ имъ благопріятствовать: подъ ведромъ и непогодою, подъ громомъ и молніею, будутъ онѣ созрѣвать. Таково уже естественное развитіе! бѣдствія, угнетенія и преслѣдованія только закалятъ наши силы, подвинутъ нашъ духъ, укрѣпятъ наши воли: а для нашего великаго дѣла мы нуждаемся въ силахъ, отвагѣ и смѣлости въ желѣзныхъ, непреклонныхъ воляхъ. Итакъ, братья, да будетъ рѣчь эта искренна и мужественна!» [136]).

А. Норцовъ.

11 ноября
1915 г.

---

[136]) Штуръ, стр. 1—2.

СОДЕРЖАНІЕ:

Психологическое различіе славянск. и нѣмецк. расъ. Первыя ихъ историч. выступленія. Нѣмецкая имперія Эрманриха и славянская имперія Само, стр. 4—9.—Первыя столкновенія западн. славянъ съ нѣмцами. Карлъ Великій и прилабскіе славяне. Великая Моравія. Генрихъ Птицеловъ. Германизація прибалтійскихъ славянъ 10—15.—Нѣмцы въ Литвѣ. Ливонскіе рыцари. Призваніе славянами Тевтонск. рыцарей. Первое столкновеніе нѣмцевъ съ русскими. Чехъ Перемыслъ. Первая нѣмецкая мысль раздѣла Польши 15—18.—Битва при Таненбергѣ. Гусъ. Появленіе Гогенцоллерновъ. Лютеръ. Москва и нѣмецк. рыцари. Секуляризація Тевтонск. и Ливонск. ордена и вассальное отношеніе къ Польшѣ. Политич. ошибка. поляковъ въ XVI вѣкѣ 19—27.—Тридцатилѣтняя война. Паденіе Чехіи. Интриги брандебургскихъ курфюрстовъ и захватъ ими Пруссіи. Спасеніе Вѣны славянами. Нѣмецкая благодарность. Политич. ошибка поляковъ въ XVII вѣкѣ 27—32— Дѣятельность первыхъ королей Прусскихъ. Нѣмецкая гегемонія въ Россіи. Фридрихъ II. Семилѣтняя война. Петръ III и Фридрихолатрія. Интриги Берлина и раздѣлъ Польши. Погибель западн. слав. территорій. Походъ Суворова въ Италію 33—49.—Начало XIX вѣка. Германолатрія въ Россіи. Спасеніе нѣмцевъ и благодарность ихъ. Нѣмецкіе колонисты въ Россіи. Спасеніе Австріи. Благодарность Пруссіи 50—58.—Бисмаркъ. Благопріятн. для него условія умствен. и нравств. развитія Берлина. Теорія кулачнаго права въ нѣмецк. философіи и историч. наукѣ. Датская, австрійская и франко—прусская война. Нѣмецкая благодарность Россіи. Рѣчи Скобелева. Фридрихъ III. Славяно-нѣмецк. отношенія къ концу XIX вѣка 59—68.—Благородн. роль Россіи и неизмѣнное содѣйствіе ея въ освобожденіи народовъ. Гаагская конференція 1899 г. Нѣмецк. колонизація Россіи и опасность стратегическ. разселенія. Нѣмцы и нѣмки на европейск. престолахъ. Аннексія Босніи и Герцеговины. Война 1914 г. Благородн. союзъ Россіи, Англіи и Франціи 68—76.

Послѣсловіе. Общее положеніе дѣлъ въ 1915 г. Самообольщеніе нѣмцевъ. Вина Европы. Политич. нравственность Берлина. Лютеръ, Макіавелли и Вестфальскій миръ. Ученіе Канта. Законъ возмездія. Миссія Россіи. Славяне—раса будущаго 77—83.